

Пришвин М.М.

Бунин И.А.

Розанов В.В.

Мережковский Д.С.

Плеханов В.Г.

Горький М.

Блок А.А.

Лосев А.Ф.

Лосский Н.О.

Подоксенов А.М.

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР
МИХАИЛА ПРИШВИНА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО
ДИСКУРСА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА**

Монография

2012-5
89142

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н.А. НЕКРАСОВА»

А. М. Подоксенов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР МИХАИЛА ПРИШВИНА
В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ДИСКУРСА
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Монография

Елец – Кострома, 2012

3767675

УДК 008:001.8

ББК 63.3(2)+71+87.3(2)

П 44

Печатается по решению РИС Елецкого
государственного университета им. И.А.Бунина и
Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
РГНФ. Проект 11-13-48006а/Ц

Рецензенты:

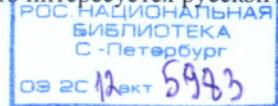
В.И. Коротких, доктор философских наук, профессор (Елец)
И.А. Едошина, доктор культурологии, профессор (Кострома)

А. М. Подоксенов

- П 44** **Художественный мир Михаила Пришвина в контексте мировоззренческого дискурса русской культуры XX века.**
Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – 334 с.
ISBN 978-5-94809-575-2

В монографии представлена попытка на примере художественного, публицистического и эпистолярного наследия М.М. Пришвина исследовать, применяя методологию герменевтики, влияние на мировоззрение и творчество писателя философско-мировоззренческих идей В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, Г.В. Плеханова, Н.О. Лосского, И.А. Бунина, А.А. Блока, М. Горького, А.Ф. Лосева и ряда других видных деятелей отечественной и европейской культуры.

Издание адресовано культурологам, философам, филологам и всем, кто интересуется русской литературой.

УДК 008:001.8

ББК 63.3(2)+71+87.3(2)

ISBN 978-5-94809-575-2

© Подоксенов А.М., 2012

© Оформление. МУП «Типография»
г. Ельца, 2012

ГЛАВА II

ГЕОРГИЙ ПЛЕХАНОВ И МИХАИЛ ПРИШВИН: МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ ОТ НАРОДНИЧЕСТВА К МАРКСИЗМУ И РАЗОЧАРОВАНИЕ В НЕМ

Осенью 1893 года Пришвин поступает в Рижский политехникум на химико-агрономическое отделение. На избрание агрономической специальности повлияло желание приобрести полноценные знания, чтобы помочь матери в ведении хозяйства, и, кроме того, это было одним из свидетельств юношеской верности народническому идеалу служения людям социально полезной профессией. Хотя именно в Риге совершится отход от народничества и начнется почти десятилетний период увлечения марксизмом. Действительно, европейская и отечественная революционно-социалистическая идеология оказала на Пришвина весьма значительное влияние, поэтому сам писатель вполне обоснованно называл свое образование марксистским. Однако принципиальная роль многократно упоминаемых в Дневнике, публицистике и художественных произведениях писателя идей теоретика и пропагандиста марксизма в России Георгия Валентиновича Плеханова (1856-1918) в становлении мировоззренческих взглядов Пришвина исследована недостаточно. Поэтому задача анализа влияния на мировоззрение и творчество писателя социальных и эстетических взглядов Плеханова для пришвиноведения является весьма актуальной.

Рассматривая проблему влияния на мировоззрение Пришвина народничества и марксизма, относительно последнего необходимо иметь в виду наличие отчетливой грани между тем, что в советскую эпоху позволительно было сказать, и тем, что можно было доверить только тщательно скрываемому Дневнику. Поэтому об истинном значении народничества, и особенно марксизма, в мировоззрении писателя можно судить, лишь исследуя сопряжение двух планов: с одной стороны, опредмеченного бытия мысли в легальном художественном и публицистическом творчестве, а с другой – тайных дневниковых записей, которые не только не смогли бы пройти коммунистическую цензуру, но, выражая истинные взгляды человека, были просто опасны для его жизни. Дополняя и конкретизируя события жизни и художественные образы творчества, Дневник писателя раскрывает подлинные мировоззренческие оценки и акценты в интерпретации действительности, которые он при Советской власти не мог обнародовать.

Искажение духовного облика Пришвина, свойственное для советского периода, происходило не только в силу недоступности для исследователей и критиков дневникового контекста творчества писателя

или невозможности из-за цензуры опубликовать целый ряд значимых для понимания его мировоззрения произведений, но и в силу идеологической ангажированности всех обществоведческих дисциплин, включая литературоведение. «Вполне оправданно то, что толкователь не устремляется прямиком к “тексту”, — писал по этому поводу Гадамер, — напротив, питаясь сложившимся в нем предмнением, он повреждает живущее в нем предмнение на предмет его правомерности, то есть его источника и применимости»¹. Действительно, цензурированное понимание критиков и читателей об идеальных рамках допустимости существования произведений творца руководствовалось насаждаемыми властью стереотипами сознания. Отбросить же «власть опорных предрассудков... невозможно и потому, что они накрепко срослись с самоочевидными достоверностями сознания, и потому, что они принимают вид беспредрассудочности, еще более упрочивающей их статус. С этой свойственной языку формой упрочивания предрассудков мы имеем дело, сталкиваясь со всякого рода догматизмом, способным, ни с чем не считаясь, вечно твердить одно и то же»². Поэтому одной из главных задач непредвзятого и не зашоренного идеологическими догмами анализа творчества любого художника является указание на то, что исследователь «подозревает знание в идеологичности, то есть объявляет притязание знания на объективность выражением стабильности наличных в обществе отношений власти»³.

Свое знакомство с марксизмом Пришвин в автобиографическом романе «Кашеева цепь» относит к лету 1893 года, когда Алпатов, получив в Сибири аттестат зрелости, возвращается к матери в Хрущевское имение. Юность закончилась, и для 20-летнего юноши наступило время выбора пути во взрослую жизнь, но, прежде всего, нужно было определить само направление. Алпатову необходима мировоззренческая опора, нужно было «найти такое знание, чтобы открывалось все — и человек, и природа; наука была бы такая же увлекательная, как искусство, и то же искусство не расплывалось бы в одно удовольствие, а служило бы, как у Шиллера, высоким целям»⁴. Упоминание в романе немецкого поэта является не только отсылкой к известному шиллеровскому определению идеала познания, когда «удовольствие сочетается с поучением, спокойствие с возбуждением, забава с образованием...»⁵,

¹ Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 76.

² Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 69.

³ Там же. С. 69-70.

⁴ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 165.

⁵ Шиллер Ф. Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение // Соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 24.

но и свидетельством о романтическом взгляде на мир главного героя «Кашеевой цепи».

В действительности же с существованием социал-демократического «подполья» и революционной нелегальной литературы будущий писатель впервые познакомился еще учеником в середине 1880-х годов благодаря своему старшему товарищу по Елецкой гимназии Н.А. Семашко¹. Однако подлинное увлечение марксизмом, как отмечал Пришвин в автобиографии 1922 года, пришло именно через знакомство с трудами Плеханова, когда «учился в Риге в Политехникуме химиком четыре года, и тут я уверовал через книгу Бельтова (Плеханов) в марксизм... Я был рядовым, верующим марксистом-максималистом (как почти большевик), просидел год в одиночке, был выслан на родину, сюда же, в Елец, одновременно был выслан Семашко, мы соединились и, кажется, за два года еще раз по шесть прочли “Капитал”»². В романе «Кашеева цепь» писатель рассказывает, как его автобиографический герой Михаил Аллатов под руководством Ефима Несговорова (прототипом которого был Н.А. Семашко) знакомится с революционной теорией социализма, читая как работы немецких социал-демократов, книги Маркса и Энгельса, так и популяризирующего марксизм в России Плеханова.

За время пребывания Михаила Аллатова в Сибири, где он с 1889 по 1892 год учился в тюменском реальном училище, все его елецкие друзья уже определились: кто учился в университете, кто, не окончив гимназию, служил чиновником на почте, кто – у нотариуса. Но главной новостью оказалось, что Ефим Несговоров, бывший несколькими классами старше, у которого Аллатов в гимназии «выучился петь “Марсельезу”, с кем он еще в четвертом классе додумался бога отвергнуть», стал студентом и выслан в Елец под надзор полиции³. Встреча со старым другом сразу же, как и в гимназическом детстве Курымушку, приобщила Михаила к политике: от Ефима он слышит имена совершенно неизвестных ему немецких социал-демократов Бебеля и Либкнехта, узнает, что Плеханов, имя которого он «не раз слышал от Дунечки и понимал его как священное народническое имя, вроде Глеба Успенского», пишет под псевдонимом «Бельтов» и давно уже не народник, а марксист. В смущении он признается: «Я не знаю, что такое марксист. <...> ...я ничего не слыхал о Марксе»⁴ и просит

¹ Николай Александрович Семашко (1874-1949), племянник Плеханова, видный деятель партии большевиков и активный участник революционного движения, после Октябрьского переворота в Совете правительстве был народным комиссаром здравоохранения РСФСР.

² Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. С. 275.

³ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 184.

⁴ Там же. С. 185.

друга научить его всему, как в старые гимназические времена. Получив от Ефима популяризирующую марксизм книгу Бельтова-Плеханова «К развитию монистического взгляда на историю»¹, Михаил быстро уясняет первостепенное в книге, о чем и спрашивает Ефима: зачем же марксизм берет основой «экономический базис, почему не просто жизнь?»².

Разумеется, ни Алпатов, ни молодой революционер Несговоров тогда еще не могли разобраться в этой основополагающей силе и слабости мировоззрения марксизма, абсолютизирующего формационный подход к истории с его редукцией всех духовных факторов религиозной, культурной, национальной жизни исключительно к типу производственных отношений как всеопределяющему экономическому базису жизни общества³. Потому-то вместо разговора о сложнейшем природно-социальном явлении, каким является жизнь людей, Несговоров, пытаясь «защитить марксизм», навешивает на друга ярлык идеалиста: «Ну вот ты и пошел в метафизику. Ты, Миша, природный шалун, не обижайся, я говорю это в высшем смысле: метафизик, поэт, художник... есть у тебя что-то в этом роде»⁴. Затем, демонстрируя свое плехановско-марксистское мировоззрение, Несговоров обличает ущербность народнической идеологии интеллигенции как прослойки, всегда примыкающей к тому классу, интересам которого она служит. Ефим даже вменяет Алпатову в вину само его желание стать инженером: ты будешь служить буржуазии, так как вся политическая надстройка и, следовательно, «инженерные науки целиком находятся в руках господствующих классов, и ты будешь делать именно то, что тебе велят капиталисты. <...> ...будешь ты инженером-химиком, посадят тебя на пороховой завод и заставят готовить порох для защиты буржуазии»⁵.

Алпатов и сам давно чувствовал слабость народнических идеалов служения крестьянину-мужику, наглядным примером чего была его двоюродная сестра-народоволка, всю жизнь посвятившая делу борьбы с царизмом путем просвещения народа. Но результатом учительского подвижничества Дунечки, о которой сами «мужики говорили, что это Ангела нам Господь послал», и называли ее «равноапостольная»⁶,

¹ Вышедшая в 1895 году книга нанесла сильнейший удар по идеологии народничества, и на ней, по словам Ленина, «воспиталось целое поколение русских марксистов...» (Ленин В.И. О фракции «Впередовцев» // Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 19. С. 313, прим.).

² Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 186.

³ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т. 13. С. 7.

⁴ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 186.

⁵ Там же. С. 186-187.

⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. С. 78.

было лишь то, что «ее лучшие ученики идут в дьяконы и в полицейские»¹. Михаилу же хочется найти такую мировоззренческую теорию, которая научно раскроет законы жизни общества, когда не понароднически слепо интеллигенция служила бы народу, но, познав «историческую необходимость», инженер смог бы осознанно работать на благо рабочего класса. Аллатов с радостью был готов приобщиться к пролетарскому движению, не ограничиваясь изучением книг Маркса, Энгельса, Бебеля, Меринга, Каутского и Плеханова, которые ему для общего развития обещал дать Ефим. Страстной натуре Михаила требовалось дело, конкретная работа, «практический корректив» теории. Тогда Несговоров, помня о гимназической увлеченности Курымушки образом Марии Моревны, предлагает ему перевести с немецкого на русский книгу Бебеля «Женщина и социализм»: «Ты был с колыбели романтиком, и тебе тут будет корректив действительности: женщина в прошлом, в настоящем и в будущем»². Михаил был совершен но оглушен этим новым, необычайно заманчивым и в то же время таким ясным до простоты миром марксистских идей, в который так удивительно укладывались его сокровенные желания, надежды и мечты.

Чткость матери сразу же подсказала Марии Ивановне, что в душе сына происходит какой-то необыкновенный переворот. Удивление вызывали его социал-демократические рассуждения, что России армия не нужна и государство защищать не надо, а пролетариат пусть вооружается. Для анализа мировоззрения писателя особенно значимо в романе описание попытки Марии Ивановны заглянуть в его книги: «Она долго читает, стараясь понять спор какого-то Энгельса с Дюорингом о скачке в неизвестное. Понять как следует ей невозможно, русское, выходит, труднее немецкого... «Конечно, — думает она, бросая чтение и откидываясь к спинке, — я так и знала: Миша задумал какой-то новый скачок в неизвестное»³. Догадалось ли вешнее материнское сердце о чем-то неладном, свершившемся в душе Михаила, но неладное это происходило со всем русским обществом, а не только с ее сыном.

Об ироническом отношении автора к марксизму свидетельствует то, что ссылка на Энгельса, который в работе «Анти-Дюоринг», направленной против немецкого философа и экономиста Евгения Дюоринга (1833-1921), употребил выражение: «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»⁴, у Пришвина провидчески неточна. Ведь на самом деле, как отмечает писатель, русские марксисты и общественность вовсе не вникали в «...спор какого-то Эн-

¹ Пришвин М.М. Кащеева цепь. С. 182.

² Там же. С. 188.

³ Там же. С. 203.

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюоринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1971. Т. 20. С. 295.

гельса с Дюрингом о скачке в неизвестное¹. К тому же и само выражение «скачок в неизвестное» было лишь перифразой последних слов философа-материалиста Томаса Гоббса (1588-1679) перед смертью: «Теперь я собираюсь сделать великий скачок в темноту». Следовательно, Пришвин преднамеренно искажает и обыгрывает смысловое содержание широко известного выражения Энгельса о социализме как историческом «прыжке из царства необходимости в царство свободы», чтобы «эзоповым» языком подчеркнуть свое критическое отношение к марксизму. Ведь вздыбленная революционерами огромная Российская империя действительно готовилась к великому скачку в неизвестное. Этим неизвестным, чаемым многими поколениями мятежной русской интеллигенции, была духовная свобода общества от власти царя и церкви, однако революционное устремление в безграничность свободы, по року истории, действительно окажется скачком в темноту.

Не случайно переход к новому мировоззрению Алпатову давался так тяжело. Большое усилие нужно было, чтобы сжать свое сердце, заключая его в оковы разума. «Это самое недобroe усилие Миша и называет материализмом, а милое прошлое остается назади, как идеализм»². Для него было ясно, что суть спора народников с марксистами (в алпатовском понимании – идеалистов с материалистами) сводилась к тому, что одни хотели действовать убеждением, другие – силой. Кроме того, марксизм низвергал с пьедесталов всех героев истории, прозаически заменяя духовные явления материальными причинами. Тем самым марксисты отнимали у народников тайну идеала, превращая героев в простых людей, и выходило, что «эти прежние его старшие, оказывается, потому виляют и путаются, что служат буржуазии, и эти старшие вполне соответствуют тем, кого в далекие времена называли книжниками и фарисеями»³.

Для Алпатова самой привлекательной стороной в марксизме был его революционный азарт и отсутствие старчески-унылого народнического «необходимого сострадания и обязательного равнения по мужику: раз мужик страдает, то и я должен страдать»⁴. Ведь юности так свойственно желание пожить для себя в полное свое удовольствие, «а у народников “для себя”, как мне представлялось, выхода не было, – вспоминал уже в зрелые годы писатель. – У марксистов же, в их бодро-задорном поведении, открывался для меня личный выход из народнического узкого круга идей к общечеловеческому смыслу»⁵. Марксизм сразу же решал пустые споры с народниками о праве интели-

¹ Пришвин М.М. Кащеева цепь. С. 203.

² Там же.

³ Там же. С. 204.

⁴ Там же. С. 460.

⁵ Там же.

генции на руководство народом, и Михаил твердо решил считать себя рядовым, ведь «пролетарий сам себя вождем не считает и эту честь ни во что не ставит»¹.

Однако именно за это желание – быть с народом, а не над ним – высмеяли Пришвина в салоне духовной аристократии Мережковского в 1909 году. Однажды на одном из собраний Религиозно-философского общества Пришвин слушал спор в области чистой теории, когда Гиппиус, как из пушки стрелявшая в этой схоластической полемике терминами «прагматизм! идеализм! реализм!», вдруг обратилась к нему:

« – Что же вы молчите?

Я спросил их: видели ли они тот свет и пламень, который мы видели, когда в юности крестились у Бебеля?

Стали обсуждать, оказалось, что видели все по-своему, но мне как-то не верилось, все как-то выходило книжно, я прямо сказал, что это не то.

– Боже мой, – сказал кто-то, – да ведь вы были рядовым марксистом! Вы об этом говорите.

Все этому засмеялись»².

Пришвин же был глубоко убежден, что за идеи книги Бебеля «Женщина и социализм», объявлявшей о близости времени мировой катастрофы, после которой явится образ Прекрасной Дамы – «женщины будущего», стоило быть «рядовым», стоило идти в тюрьму. Самое ценное в марксизме, считал писатель, «самое счастливое, самое высокое было, что я стал со своими друзьями одно существо, идти в тюрьму, на какую угодно пытку и жертву стало вдруг нестрашно, потому что было это уже не я, а мы, друзья мои близкие и от них как лучи “пролетарии всех стран”»³.

Художественной интерпретацией упомянутого столкновения писателя со схоластически-фарисейским отношением салонной интеллигенции к демократическим мировоззренческим идеалам, казалось бы, должны быть одинаковыми для народничества и марксизма, станет одна из сцен «Кашеевой цепи». Поскольку марксизм был для Алпатова не столько теорией, сколько мировоззренческим идеалом общественной жизни, то ему сразу же бросилась в глаза вредность фарисейского холодно-равнодушного отношения к революционным делам. Для Михаила это ясно обнаруживается в поведении Осипа, одного из руководителей елецких марксистов, когда тот «рассказывает о Марксе совершенно так же, как поп о боге, которого нет, но необходимо выдумывать. Проповедует, что экономическая необходимость сама собой при-

¹ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 205.

² Пришвин М.М. Дневники. 1905-1954. С. 62.

³ Там же.

водит капитал к концентрации рабочих – к союзу, и делать тут нечего: ничего не нужно делать, все само собой сделается»¹. Поэтому Михаил намеревается вступить в беспощадную борьбу с Осипом, только сначала «хорошо бы достать у Данилыча в подлиннике Гегеля и Канта, перечитать все это, чтобы Осип не сбивал его противными словечками вроде *априори*². При встрече с Данилычем, главой елецкого революционного подполья, Алпатов рассказывает ему, как Осип проповедует экономический фатализм вместо революционного марксизма, «затемняя его своим личным умственным интересом, от того получается схоластика, и мы, выгоняя в одну дверь метафизику, в другую впускаем схоластику»³.

Вместе с тем критика Алпатовым схоластики и метафизики правооппортунистических взглядов Осипа, рассказывающего о Марксе «как поп о боге», является лишь поверхностно-легальным смысловым уровнем отношения автора к революционной теории. Выявление в романе скрытого от цензуры более глубокого религиозного осмысления писателем марксизма возможно только при анализе семантического поля текста с позиций мировоззренческой концепции Пришвина, являющейся герменевтическим контекстом поведения и размышлений героя. Необходимо также выявить идеальные основания, определяющие миропонимание читателей произведений художника и его критиков. Поэтому одной из задач исследования является преодоление влияния господствовавших в советском литературоведении идеологических предрассудков при анализе творчества Пришвина, ведущих к искаению его мировоззрения. «Функция герменевтической теории в том и состоит, – справедливо отмечает Гадамер, – что она учреждает всеобщую готовность поставить заслон частным ориентациям, продиктованным властью привычек и предрассудков. Критика идеологии, нацеленная на критическое преодоление вполне определенных предрассудков, – лишь одна из форм герменевтической рефлексии»⁴.

Питавший в себя с детства народническую идею жертвенного служения людям, Алпатов отчетливо чувствует и в марксизме не только его революционный аскетизм, но и какую-то близость к религии. Показателем религиозности марксизма выступает в «Кашеевой цепи» то, что, идя на революционное задание, герой размышляет о словах «Да минует меня чаша сия» из евангельской молитвы Христа, который просит себе у Бога-Отца кусочек маленького человеческого счастья. И чудится юноше, будто он идет по лугу и светлый странник с волшебной палочкой шепчет ему: «Земля моя усеяна цветами, и тро-

¹ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 205.

² Там же. С. 208.

³ Там же. С. 210.

⁴ Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика. С. 70.

пинка вьется по ней, будто нет конца ароматному лугу. Я иду по лугу, влюбленный в мир, и знаю, что после всякой самой суровой зимы приходит весна с любовью и что весна – это главное, из-за чего живут на земле люди. Цвет – это главное, это явное, это – день, а крест – одинокая ночь, зима жизни. Я художник и служу тому, кто украшает мир, так, что сам страдающий бог, роняя капли кровавого пота, просит: «Да минует меня чаша сия». Я призван украсить наш путь, чтобы несчастные забыли тяжесть своего креста»¹. И далеко не случайно главка в «Кашеевой цепи», повествующая о мировоззренческом повороте Алпатова к марксизму, названа «Цвет и крест». Само это название выступает сложным герменевтическим указателем на множество содержащихся в нем смыслов.

Символика «креста и цвета» имеет у писателя несколько интерпретаций и поэтическим рефреном звучит в ряде его сочинений. «Цвет и крест» – это и мифологическая символика раздвоившегося космоса русской жизни как образного противопоставления зимы и весны, ночи и дня, стихии и личности; это и метафора бытийного, экзистенциального раскола народа и интеллигенции, молчания и слова; это и художественно-образное повествование о страданиях и радости бытия; это и религиозно-бibleйская символика духовного «цветения» жизни и христианского самопожертвования. Сам же крест как религиозный символ восходит к христианскому распятию во искупление грехов, связывая идею воскресения с понятием личности. В «Кашеевой цепи» религиозная интерпретация символики креста, используемая Пришвиным в раздумьях о революции, является одним из свидетельств о причинах его прихода к марксизму.

Следует отметить, что пришвинское увлечение марксизмом, который активно пропагандировал не только Плеханов, но и многие сторонники идеи революционного свержения русской монархии, было типичным для интеллигенции рубежа XIX-XX веков. Привлекательным, прежде всего, было то, что мировоззренческий экстремизм и эсхатологизм, присущий марксизму, был вполне сродни русскому религиозному старообрядчеству, которое после никоновского раскола православной веры уже три века жило в экстремальных условиях постоянной готовности к скорому концу света. Пришвин, родившийся в семье хотя и с размытыми, но все же не исчезнувшими старообрядческими традициями, с раннего детства запомнил эти апокалиптические картины по рассказам няни: «Земля там, где небо к ней прикасается, красным заревом вспыхивает, огромная черная гора открывается, на вершине архангел трубит, покойники встают, и кто, как няня, всю свою жизнь отрезал себе ногти и берег их в мешочках, – теперь ногти

¹ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 213.

эти срастаются, и, цепляясь ими за камни, лезут праведные люди на гору к архангелу, а грешники скрежещут зубами, обрываются и падают в адский огонь¹.

Потому и вспоминает Алпатов в тюрьме, куда он попал за революционную деятельность, об апокалипсизме как мироощущении своих предков раскольников-старообрядцев. Да и сам «он пришел к идеи мировой катастрофы от сердца своего. В раннем детстве он слышал чей-то голос, строго предупреждающий: “Деточки, деточки, по краю ходите, затрубит архангел, загорится земля и небо”. На место сказки стала теория, и сердечный поток закрепился железной формулой», формулой марксизма². Именно марксистский эсхатологизм, так схожий с религиозным апокалипсизмом старообрядчества, скорее всего и породил в молодом студенте тот «огненный энтузиазм», с которым Пришвин перевел с немецкого на русский предложенную ему в революционном кружке книгу Августа Бебеля «Женщина и социализм».

Так решилась труднейшая для юноши этическая проблема связи прошлого и будущего, конца и начала, религии отцов и мировоззрения марксизма. «У Бебеля был поставлен вопрос о всемирной катастрофе: при нашей жизни. С этим чувством конца у вождя германского пролетариата пробуждалось наследственное чувство конца от староверов, предков моих по матери. Концом мира меня с детства пугали, и вот теперь этот конец сделался началом новой жизни»³. В понимании Пришвина близость марксизма с народничеством была не только в религиозной эсхатологичности миропонимания, но и в церковно-культовом патернализме: если народники обожествляли народ и поклонялись ему, то марксисты по-своему молились на пролетарских вождей. Марксизм, пропагандируя атеизм и внешне осуществляя насилие в отношении религии, внутренне сам творил из своих вождей величайших кумиров, и в этом была, считал Пришвин, глубокая психологическая закономерность, так как сама «способность быть вождем заключается в вере (“научно” вождем не сделашься), и все вожди люди верующие»⁴.

Михаилу, которого торопил юношеский максимализм и эсхатологическое чувство близости мировой катастрофы, казалось, что именно в России можно немедленно воплотить в жизнь марксистское учение о социализме. Однако Несговоров, понимая марксизм по-плехановски, как возможность победы социализма только сразу в нескольких экономически развитых европейских странах, а не по-ленински – в одной

¹ Пришвин М.М. Кащеева цепь. С. 35.

² Там же. С. 236.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. СПб., 2010. С. 245.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. С. 229.

отсталой России, тут же остыл алпатовский энтузиазм: «...мы не доживем с тобой до того, чтобы служить рабочему классу специалистами, наша задача – готовить революцию, устраивать школы пролетарских вождей, которые будут просвещать народ и поднимут его на восстание, мы призваны облегчить роды – мы акушеры»¹. В этом выражалась мечта многих русских мальчиков, желавших воплотить в жизнь марксистские идеи Плеханова о соотношении роли масс и личности в истории, который учил, что социалистическое будущее приблизится, когда «сама “толпа” станет героем исторического действия и когда в ней, в этой серой “толпе”, разовьется соответствующее этому самосознание»². Елецкие революционеры, сообщает Алпатову Несговоров, с помощью плехановских работ активно пропагандируют марксизм среди служащих по найму, разночинцев, агрономов, учительниц – всего «третьего элемента», т.е. интеллигенции, традиционно поддерживающей идеи народничества. По словам Несговорова, идеям марксизма сочувствуют и некоторые из дворян-помещиков, подчас уже искренне «готовые на всякую революцию в разговорах», и даже «есть у нас член управы из купцов, лесопромышленник, оголяет уезд до конца, а нам сочувствует, деньги дает и называет нас *передовой авангард*»³.

С юношеским энтузиазмом приобщаясь к пролетарскому движению, Михаил Алпатов не хотел ограничиться лишь изучением теории социализма, его творческой натуре требовалось дело, конкретная работа, «практический корректив» науки, а не просто познание в смысле «Что делать?» Чернышевского. Тем более что совсем не понятно было ему, чему же так обрадовался Ефим, узнав из газеты, что германские социал-демократы голосуют против расходов на флот и на армию, необходимых для защиты государства: «...если к слабым немцам без войска и флота явятся их злейшие враги французы и уничтожат Германию совсем – и с Бебелем, и с Либкнхтом, и социал-демократией? И если перевести то же на Россию, если опять к нам придет какой-нибудь новый Наполеон и у нас не будет оружия?»⁴.

Конечно же не случайно эта мысль остается в «Кашеевой цепи» мимолетной, не получив дальнейшего развития. Если учесть политический контекст русской истории дооктябрьского периода, то станет ясно, что здесь Пришвин, как и Плеханов, поддерживая патриотический настрой царского и затем Временного правительства на «войну до победного конца», устами Алпатова открыто выступает против вы-

¹ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 187.

² Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения: В 5 т. М., 1956. Т. 1. С. 693.

³ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 188, 189.

⁴ Там же. С. 189.

двинутой Лениным еще в 1915 году и обоснованной в статье «Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)»¹ теории поражения своего правительства (по сути поражения России!) и превращения войны империалистической в войну гражданскую, которая весной 1917 года трансформировалась в курс партии большевиков на захват власти путем перевода буржуазно-демократической революции в социалистическую. Так для Алпатова-Пришвина открывается, что в русской версии марксизма имеются, по крайней мере, две разные интерпретации: плехановская социал-демократическая и ленинско-большевистская, которая своим антипатриотизмом вызывает у него, как и у Плеханова², критическое отношение.

Вместе с тем и плехановское понимание марксизма порождает сомнения у Алпатова, что наглядно подтверждается отношением его к народнической позиции студента Жукова, еще одного бывшего одноклассника-гимназиста, высланного из Москвы в ссылку в Елец под надзор полиции. «Злая книга, – говорит Жуков Алпатову о плехановском сочинении “К вопросу о развитии монистического взгляда на историю”, – и ужасна своими заблуждениями в оценке личного». Жукову не нравится, что в плехановском марксизме нет «родственного внимания» ни к миру природы, ни к творческой личности: «Бельтов эту личность стирает, как пыльцу с бабочкина крыла, и устанавливает какой-то безличный, бескрылый закон»³. И Михаил уже был готов поддержать так близкие ему слова о родственном внимании, как вдруг вспомнилась гимназия, учебник по русской истории Иловайского, учившего об истории как битве добрых и злых индивидуальностей, и тут какая-то старинная обида, боль и злость заставили его вступить в борьбу. В истории должен быть закон, а не борьба духов, поэтому теория субъективистов несостоятельна, заявляет он Жукову и его сторонникам.

Не имея даже понятия о социологической формуле Михайловского⁴, на которого ссылались защитники народничества, Алпатов науда-

¹ Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 26. С. 307-350.

² Разразившаяся в 1914 году Первая мировая война в определенном смысле спасла Ленина от возможного политического краха. В сентябре 1915 года Плеханов в частном письме высказал мнение, что для Ленина война 1914 года стала единственным способом достичь своих целей: «Если бы не разразилась война... то он, возможно, был бы обречен и исключен из Социалистического Интернационала» по причине его «подрывной роли в русском рабочем движении» (Цит. по: Бейрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. 1995. № 5. С. 128).

³ Пришвии М.М. Кащеева цепь. С. 192.

⁴ Субъективная социология Н.К. Михайловского (1842-1904), одного из теоретиков народничества, для устранения произвела мнений предлагала за критерий ис-

чу, как пламенный прозелит, бьет доводы своих противников усвоенными из Плеханова формулами марксизма о главенстве в истории силы экономической необходимости, кстати, ввернув и слова Несговорова об акушерах-революционерах, которые не сидят, сложив руки, а облегчают роды нового общества. Казалось, какой-то новый человек в Михаиле легко побеждал в этом споре, беря марксистские аргументы как будто совсем из ничего. Стоило всего-навсего презрительно сказать в споре какое-нибудь слово вроде «метафизика», и соперник терялся, не зная, что ответить. «Если у меня взялось из ничего, то, наверно, то же и у них, я не знаю формулы Михайловского, а они, наверно, не понимают Бельтова. Куда им!» – даже обрадовался Аллатов¹. Разумеется, знание истинной цены подобным софистическим методам спора, позволяющим большевикам-революционерам «бить словами» и опровергать оппонентов взятыми «из ничего» научообразными формулами, даже не затрагивая существа дела, Пришвин поймет много позже и неоднократно будет говорить в своей публицистике и Дневнике о том, как большевизм доводит до логического конца присущие марксизму схоластику и догматизм.

Но пока путь будущего писателя к марксизму шел в том же русле, что и многих русских юношей, колебавшихся между верностью отеческим заветам, традициям семейного уклада жизни и страстным желанием личного участия в революционном обновлении жизни. Более всего здесь сказывалось влияние общественных настроений и круга общения молодежи. Сама социальная атмосфера учебных заведений благоприятствовала революционной идеологии, поэтому «семя марксизма находило теплую влагу в русском студенчестве и прорастало»². В 1918 году писатель вспоминал, что «был настоящим прозелитом, рядовой овцой в этом стаде, и мои замечания должны объяснять психически широкие массы народа», поскольку в студенческом возрасте пребывал в полной уверенности близости мировой катастрофы, после которой пролетариат станет у власти во всем мире и всем на земле жить будет хорошо. «Душевный состав мой накануне уверования в социализм: семейная оторванность, глубочайшее невежество, с грехом пополам оканчиваю реальное училище, смутные умственные запросы, гнавшие меня с факультета на факультет, какая-то особенная ежеднев-

тины принимать познавательные способности «нормального» человека – нормального не только физиологически, но поставленного в благоприятные социальные условия и отражающего интересы большинства трудящейся части общества. (См.: Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 371).

¹ Пришвин М.М. Кащеева цепь. С. 194.

² Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. С. 229.

ная вера, что чтением какой-нибудь книги я сразу все себе и разрешу¹.

Все студенческие годы будущий писатель ищет целостного взгляда на мир, позволяющего сразу все разрешить. Нетерпение юноши, увлеченного революционными идеями марксизма, подогревалось так же и усвоенным от семейного старообрядчества эсхатологическим чувством близости мировой катастрофы. Следует отметить, что представление Пришвина о родственности марксистского мировоззрения с религиозным идеями апокалипсизма, перекликаются с рядом положений А.А. Мейера² в книге «Религия и культура» (1908), который еще в начале XX века пришел к выводу, что «истинные революционеры всегда любят самое катаклизму больше, чем мирный прогресс, во имя которого они якобы ее призывают». Ценность переворота для них в том, что, «сбрасывая с себя оковы общественных норм, они постигают в акте мгновенного освобождения то состояние, которое может быть названо состоянием свободы», свободы от всех норм религии, морали и права, и в этом истинная причина того, «почему катастрофа представляется революционерам чем-то положительным, каким-то праздником жизни»³. Революционный катастрофизм, по мнению Мейера, имеет именно религиозное, но не рациональное оправдание, поскольку отказ от идеи конца, от «последнего и решительного боя» провозглашается изменой революции, что порождает вопрос: «не является ли вообще коммунистическая идея чем-то родственным в своем существе чаяниям и вере хилиастов?»⁴.

Как и народничество, марксизм призывал бросить все личное во имя великой идеи всеобщего блага. «Вот в этом “бросить” и был весь нравственный упор. Мать моя работала всю жизнь на банк, чтобы дать нам образование, – как же это бросить? – задается вопросом Пришин. – С другой стороны, основная тревога, перешедшая в мою душу, может быть, через губернаторов моих под амбаром, требовала бросить все личное и отдать свою жизнь за какие-то новые идеалы передового общества. Марксисты предлагали мне вступить в их тайную “школу

¹ Пришин М.М. Дневники. 1918-1919. С. 74.

² Мейер Александр Александрович (1875-1939) – религиозный русский философ и культуролог, критиковал марксизм с позиций христианства. Пришин был знаком с ним как с активным участником деятельности петербургского отделения Религиозно-философского общества, оказавшим значительное влияние на многих отечественных мыслителей и художников. «...Он знаменит, философ, социалист и проч.», – подтверждает эту репутацию А. Мейера краткая дневниковая запись писателя (Пришин М.М. Дневники. 1914-1917. М., 1991. С. 172).

³ Мейер А.А. Религия и культура // Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1984. С. 66-67.

⁴ Там же. С. 68.

пролетарских вождей". Я очень колебался¹. Колебания решило лето 1896 года, когда, нуждаясь в деньгах и решив подзаработать на летних каникулах, Михаил выехал вместе со студентами-химиками на Кавказ для борьбы со страшным вредителем виноградников – филлоксерой, занесенной из Европы в Россию. На целый месяц попадает он в среду бурных дискуссий, когда с утра работали, а «по вечерам за большим столом с вином, брынзой и травами, были жестокие схватки марксистов с народниками. В начале этих споров я был на стороне народников, но с каждым днем все больше и больше уступал марксистам»².

Еще не вполне готовый участвовать в этих дебатах о различии между народническим и марксистско-плехановском пониманием роли личности в истории и о других подобных вещах, юноша «усердно и даже отчаянно занимался в "школе вождей", читал трудный "Капитал", изучал спор Энгельса с Дюрингом, переводил с немецкого историю социализма Меринга и с особой страстью – "Женщину и социализм" Августа Бебеля»³. В этих политических спорах и дискуссиях оттачивались такие важнейшие качества мировоззрения Пришвина, как принципиальный антидогматизм, способность к широте и многосторонности восприятия мира, антиномичность и диалектичность мышления. Революционная молодежь на Кавказе сразу пришла юноше по душе, оставалось только определиться между марксистами и народниками. И хотя «народническая задушевность, внимание к личности ближнего, интерес к биологии были близки человечностью, – пишет Пришвин о причинах своего выбора, – но марксисты меня смутили верой в знание, готовностью к определенному и немедленному действию, и главное, что это были все удалые ребята, [деятельные] – жить собирались, а народники расплывчаты, и этика их долговременная... [традиционная]»⁴.

Психологически увлечение марксизмом объяснялось также и стремлением «не отстать от других и быть как все», то есть преодолеть комплекс неудачника, исключенного из гимназии. «Раньше было все вне меня "да" и внутри "нет" – я неудачник, теперь стало внутри меня "да" и вне меня "нет" – теперь мир вне нашей партии стал неудачником, и мы втайне верили, что нам суждено его переделать и он переменится, как и Бебель в то время писал, что всемирная катастрофа настанет еще при нашей жизни»⁵. Но вдруг эсхатологизм, этот неминуемый страшный конец, благодаря Бебелю, становится началом новой жизни, в творчество которой Михаила вовлекает счастливый слу-

¹ Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к Слову. С. 55.

² Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. С. 244-245.

³ Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к Слову. С. 56.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. С. 245.

⁵ Там же. С. 246.

чай. Марксистская идея переустройства мира помогает ему обрести дружескую семью, выйти из одиночества и навсегда избавиться от ощущения себя как неудачника. «Казалось тогда, что не эта кучка людей, которым я не хотел подчиниться, а весь мир переделывается, огромное движение за его спиной, и когда я вдруг это, читая Бебеля, почувствовал, то они стали мне братьями. Их ученость, которая так меня смущала, оказалась легко доступной мне, потому что не в учености было дело, а в вере – в зарубке: зарубил и пошел, пошел и ничего не страшно стало...»¹. Размышая позже о своей революционной юности, Пришвин особо подчеркивает, что «сила марксизма состоит в том же самом, что было в религии: входить в сознание необразованных масс общества»². Но если традиционная религия привлекала возможностью в несчастье обрести Утешителя, а за счастье – благодарить высшего Хозяина жизни, то марксизм, в отличие от народничества, притягивал обещанием возможности самим преобразовать мир.

В этот период Пришвин относился к марксизму с восторженно-религиозным чувством. «Так мало-помалу, день за днем у нас на винограднике сложилась не то secta, не то семья, не то партия с бесконечной преданностью этому коллективу и готовностью для него во всякое время принести себя в жертву»³. Примечательно, что воспоминания Пришвина о духе религиозного сектантства марксистов, готовых принести себя в жертву коллективу, близки суждениям А.А. Мейера, который практически в то же время отмечал в статье 1937 года, что социальный морализм марксизма есть подмена идеи Бога «образом осуществленного нравственного закона – идеалом. Людям предполагается жить идеалом, служить идеалу, носить в душах своих идеалы, даже “жертвовать всем” идеалу», поэтому идея души и идея мира отходят на задний план, а «какой-то будущий идеальный коллектив и, конечно, его зачаток, его осуществитель в настоящем – становится на место бога»⁴.

Вернувшись в Ригу после кавказской поездки, Пришвин начинает участвовать в деятельности одного из первых марксистских студенческих кружков. Однако с самого начала пришвинский марксизм оказался далек от традиционного. О своеобразии своего марксистского мировоззрения художник откровенно выскажет в дополнении к «Кашеевой цепи», написанном в 1954 году последнем звене «Как я стал писателем». Оказывается, марксизм для него, «комсомольца XIX века», был, прежде всего, романтическим увлечением чрезвычайно до-

¹ Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к Слову. С. 57.

² Пришвин М.М. Дневники. 1928-1929. С. 302.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. С. 246.

⁴ Мейер А.А. Мысли про себя // Мейер А.А. Философские сочинения. Париж, 1981. С. 438.

верчивого и влюбчивого человека: «Я был юношой, до последней крайности неспособным к политической работе. <...> Но самое главное, из чего вытекали все политические мои недостатки, – это что логические выводы ни малейшим образом не убеждали меня»¹. У будущего писателя было художественное восприятие как классиков-экономистов от Смита до Маркса, так и новейших социологов Зиммеля и Риля, философские взгляды которых он тайно переводил на язык образов, «перешептывал выводы Маркса на образы, и какая-нибудь Марксова Золотая куколка², в которую превращаются все товары, и рядом с ними все человеческие ценности: дружба, любовь, искусство – в моем сердце переделывалась в сказочно-злое существо, вроде Кащея Бессмертного...»³.

Если воспринятый поэтически марксизм значительно расширял мировоззренческий кругозор юноши, то пропагандистская деятельность довольно скоро привела его к типичному для многих революционеров того времени итогу: пойманный в Риге с поличным при переноске нелегальной литературы, Пришвин попал в 1897 году в камеру одиночного заключения Митавской образцовой тюрьмы. Достойно выдержав годичное заключение, ни в чем не сознавшись и никого не выдав, Пришвин столкнулся только с одним, но труднейшим испытанием своей жизни – не сойти с ума. Вспомнилось, как в раннем детстве кто-то в шутку прикрыл его подушкой, теперь же тот пережитый ужас удущья вдруг вернулся и охватил узника, «мелькнуло в безумии – разбежаться по диагонали и со всего маху бухнуть головой о стену. А еще лучше и вернее – разбить стекло и запустить себе острый конец под ребро. На стену страшно смотреть – стена соблазняет, и на окно тоже нельзя – окно соблазняет. И слышатся уже насмешливые голоса: хотел освободить людей от Кащеевой цепи, а вместо этого сам разбил себе голову»⁴.

Спасением для Михаила стала та особенность его мировосприятия, которая превращала абстракции сухой логики в поэтические образы. Узник вообразил себя путешественником, идущим по диагонали маленькой камеры к Северному полюсу, где, хирея над золотом, сидит Кащей Бессмертный. Это «внутреннее путешествие взамен настоящего» позволило прийти к важному мировоззренческому выводу: «Если сильно захотеть чего-нибудь, то всегда и достигнешь, – идеал

¹ Пришвин М.М. Кащеева цепь. С. 462.

² Как герменевтический указатель, выражение автора «Золотая куколка» – отсылает к образному высказыванию К. Маркса о меновой стоимости золота из работы «К критике политической экономии», гл. 2. «Деньги или Простое обращение» (См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. М., 1959. Т. 13. С. 75).

³ Пришвин М.М. Кащеева цепь. С. 463.

⁴ Там же. С. 228.

достижим»¹. Именно о потребности в идеале как духовном стержне бытия идет речь, когда случайной знакомой он рассказывает, как в тюрьме он отправился «в будто-путешествие к Северному полюсу, целый год, отсчитывая метры, ходил из угла в угол и вышел из тюрьмы невредим: значит, достиг Полюса»². Об идеале как духовной точке опоры говорит и дневниковая запись в 1908 году: «Фрося говорит, что она всех понимает, но во мне не понимает что-то последнее... И я сам этого не понимаю. Это последнее похоже на Северный полюс, куда нельзя добраться. Там, может быть, ничего нет, пустая точка... И мне хочется стать ногой на эту точку»³. Учение Маркса было таким мировоззренческим идеалом, искомой точкой духовной опоры. И Пришвин часто говорил, что марксизм, из-за которого он попал в 1897 году в тюрьму, действительно стал одним из определяющих моментов его жизни.

После освобождения из тюрьмы Пришвину было запрещено в течение трех лет жить в университетских городах. Поэтому, вернувшись в 1898 году в Елец, он стал хлопотать о разрешении выехать за границу для получения высшего образования. Начало нового XX века знаменуется для юноши новым поворотом жизни: наконец-то он отправляется в Европу. И вполне закономерно, что для продолжения образования Пришвин выбрал Германию, славившуюся своей философией и учеными. Ведь, по его словам, еще во время учебы в Рижском политехникуме он «менял разные факультеты в поисках “философского камня”»⁴, поэтому для Михаила Алпатова – alter ego писателя в романе «Кашеева цепь» – выбор был ясен: «Правду кто-то сказал о Германии, что философия там похожа на вымя с множеством сосцов, пытающих науки, – и теоретические, и прикладные. В России даже в образованном обществе как-то не всегда удобно сказать: занимаюсь философией, потому что наша философия непрактичная... В Германии даже агрономию читают на философском. <...> ...и потому Алпатову факультет предрешен»⁵. После года блужданий в поисках себя по лекциям всевозможных факультетов и даже университетов в Берлине и в Иене Пришвин окончательно переезжает в Лейпциг, где за два года оканчивает философский факультет Лейпцигского университета «по агрономическому отделению».

Отдавая должное немецкой науке и культуре, Пришвин с признательностью скажет в 1915 году: «Я получил все от Германии...»⁶. Сис-

¹ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 259.

² Там же. С. 259-260.

³ Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905-1913. С. 103.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. С. 366.

⁵ Пришвин М.М. Кашеева цепь. С. 318-319.

⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. С. 151.

тема высшего образования в Германии с ее отсутствием резкого разделения между гуманитарными и точными науками прививала студентам культуру не только строго естественнонаучного, но и художественного мышления. Для будущего писателя была чрезвычайно важна эта методология синтетического дискурса, учившая достигать единства образов искусства и понятий науки, что определит в будущем своеобразную пришвинскую гармонию научной точности и философичности обобщений с поэтической образностью его художественного творчества. «Если ученый находит причину явления, то тем самым он открывает новый вопрос о причине самой причины данного явления. <...> А в искусстве мы как бы снимаем с открытой причины ее покрывало и даем самый образ, имеющий свойство показываться и одинаково всем и по-разному для каждого... На “почему” ответдается сразу в готовом виде без помощи колб и пробирок»¹.

Обучаясь агрономии на философском факультете, Пришвин одновременно слушал лекции химика Оствальда, биологов Лампрехта и Геккеля, философов Паульсена и Вундта, социолога Бюхера. За годы университетской учебы будущий писатель получил не только естественное образование и профессию агронома, но и познакомился с философией Канта, Спинозы и Ницше, с поэзией и натурфилософией Гете, с музыкой Вагнера. Таким образом, важнейшим отличием Пришвина от многих русских марксистов было то, что в формировании его мировоззрения участвовал не только марксизм, но вся немецкая и европейская культурная традиция.

В Германии художник знакомится с обществом реальной, а не теоретической социал-демократии. Юного русского марксиста, усвоившего революционное учение Карла Маркса через труды Плеханова, поражает, что немецкие рабочие больше всего ценят спокойное благополучие и кумиром их являются отнюдь не социал-демократические вожди, а германский кайзер, которого толпа на улице приветствует с неподдельным ликованием. В благоустроенной и сытой Европе юношеский эсхатологизм и катастрофизм восприятия мира быстро ослабевают, и отсюда в душе «постепенное разжижение веры... окончательный поворот: сумасшедшая любовь и поворот мира с умственности на психологичность: открытие полюса. Жизнь, возрождение... Внимание к человеческой душе»². Этим новым полюсом духовной устремленности становится просто реальная жизнь человеческой души во всем многообразии ее отношений с миром. В итоге, как вспоминал позже Пришвин, «марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком»³.

¹ Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к Слову. С. 78.

² Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. С. 74-75.

³ Там же. С. 366.

1902 год стал не только годом окончания учебы, но и поворотным для всей жизни. Это был поистине «сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (4 момента) и последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение до сего дня (1918 г.)»¹. Суть своего мировоззренческого переворота писатель определяет формулой «от теории к жизни», что означало осознание им марксизма как учения, ограничивающего и подменяющего жизнь. Подводя итоги своего марксистского периода мировоззрения, Пришвин скажет: «Мой фанатический Марксизм владел мною все-таки лет десять всего, начал он рассасываться бессознательно при встрече с многообразием европейской жизни (философия, искусство, танцевальные кабачки и проч.), сильнейшую брешь ему нанесла встреча с *ней* и окончательную то чувство самости, которое охватило меня, когда я после нескольких лет агрономической деятельности в России нашел в 30 лет свое призвание в литературе. Только тут впервые я понял, что значит жить самому и самому за себя отвечать»². Так юношеская любовь стала одной из решающих причин мировоззренческого переворота и главным толчком пробуждения личности: «Искание начала всех начал: огонь, вода у древних, или личность; у наших марксистов экономическая необходимость, и вдруг переворот: все под влиянием любви, начало всех начал есть я – личность»³.

В «Кашеевой цепи» очень искусно показан естественный ход переоценки марксизма как перехода от внешнего схоластически книжного представления о жизни к подлинному бытию с его неподдельными ценностями, к личному творчеству, средоточием которого станет в дальнейшем для Пришвина литература. Постепенная трансформация мировоззренческой доминанты происходила через переход от подчиненности духовного мира внешним социально-политическим догмам к доверию внутренним интуитивно-творческим силам личности. Так в поиске личной формы служения обществу в душе Пришвина осуществлялся тот мировоззренческий перелом, когда из марксиста рождался художник слова. «Я утвердил свое право заниматься искусством слова как делом, равноценным всяким “настоящим” делам, включая революционные и религиозные, – вспоминал Пришвин в 1937 году. – Мое занятие было истинно реально, потому что я исходил из того, что *есть* во мне самом, но не что будет когда-то вне меня»⁴.

Мировоззренческий отход Пришвина от марксизма, поворот «от революции к себе», при всем личностном своеобразии породивших его причин, поразительно точно совпадал как по времени, так и по со-

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. С. 366.

² Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. С. 275.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. С. 56.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. С. 799.

держанию с широким идейным движением русской интеллигенции начала XX века «от марксизма к идеализму», о чем свидетельствовала известная писателю книга соученика по Елецкой гимназии С.Н. Булгакова «От марксизма к идеализму» (1903), а также сборник «Вехи» (1909). Художественной натуре писателя претила всякая сколастика и непререкаемые принципы теории, не допускающей возражений. «Истощенная пустая жизнь всегда философствует и строит принципы»¹. Конечно, не против философской мысли была эта запись, а против ограничения жизни надуманными рамками. Пришвин хотел сохранить в себе «смутное чувство неприкосновенной своей личности, своей глубины»². Догматизм и невнимание к личности отталкивали юношу от марксизма. Подобно Герцену, Лаврову и Михайловскому, вполне в духе народничества, Пришвин считал полное развитие личности необходимым условием общественного прогресса. Марксизм же с его экономическим детерминизмом духовной жизни сводил все проблемы общественного переустройства к политической борьбе, которая подчищала личную жизнь задачам революции.

Вместе с тем Пришвина не могла устроить и субъективная социология народничества, провозглашавшая движущей силой исторического прогресса «критически мыслящую личность» из интеллигенции, которая характеризовалась как носитель идеалов просвещения, нравственности и справедливого социального устройства. Сталкивались два мировоззрения: одно считало источником социального творчества личность, другое провозглашало, что творец истории народ, а личность призвана выражать объективные экономические закономерности. В пришвинском поэтическом восприятии мира, переводящем логические абстракции на язык чувств, это противоречие предстает как борьба в душе человека двух начал – личного «хочется» и общественного «надо».

Не поддерживая народничество идейно и политически, тем не менее писатель духовно и нравственно всегда был с народом. Само вхождение Пришвина в литературу было связано с темой народных религиозных верований, интерес к которым имел биографическое обоснование – его предки по материнской линии были старообрядцами. Исследуя религиозную жизнь русского Севера, он пишет кроме множества газетных статей и очерков свои первые книги: «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком», «У стен града невидимого (Светлое озеро)», «Заворошка», в которых обнаруживает глубокое знание жизни сектантов-раскольников. У писателя было собственное, своеобразное видение глубинной сущности крестьянского бытия, чу-

¹ Цит. по: Пришвина В.Д. Путь к Слову. С. 70.

² Там же.

ждое идеологических штампов как народничества, так и марксизма. «Я не от книг иду, а от жизни, и книги мне только справка», — подчеркивал он свою близость к народу¹. Высказываясь о прочитанной в «Новом мире» за 1926 год статье Давильковского «На трудном подъеме», он поддерживает идею о необходимости учиться постижению души крестьянства у старых народников, при этом особо отмечает автора статьи как первого критика, понявшего новаторскую сущность его, пришвинского, взгляда, опирающегося, «собственно, не на крестьянина, а на туземца. Русский крестьянин, словом, взят мною *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности — лат.), чем я отличаюсь от народников и чем даю литературе нечто новое»².

Казалось бы, мировоззренчески навсегда отойдя в начале XX века от идей Маркса и его апологетов, Пришвин после революции вновь столкнется с марксизмом, и в частности с Плехановым, уже на эстетической почве. Ведь с именем Плеханова было связано не только распространение и популяризация марксизма в России, но и применение его к анализу проблем искусства, разработка теоретических основ идеологизации искусства. Разрабатывая марксистскую методологию эстетики, Плеханов пришел к выводу, что культура любой эпохи подчинена идеологии господствующего класса и задача критики путем социологического анализа творчества определять направление развития таланта, поскольку художник, поддерживающий мировоззрение передовых классов, творит лучше. По Плеханову, лишь марксистская идеология и пролетарская революция откроют путь к творческой гармонии художника с обществом, позволят сказать всю правду о мире. «Чтобы понять, каким образом искусство отражает жизнь, надо понять механизм этой последней, — пишет Плеханов. — <...> ... борьба классов составляет в этом механизме одну из самых важных пружин. И только рассмотрев эту пружину, только приняв во внимание борьбу классов и изучив ее многогранные перипетии, мы будем в состоянии сколько-нибудь удовлетворительно объяснить себе “духовную” историю цivilизованного общества: “ход его идей” отражает собой историю его классов и их борьбы друг с другом»³.

Исходным пунктом эстетики Плеханова выступает мысль о том, что искусство призвано выражать общественную психологию, которая определяется социально-классовыми отношениями, полностью зависящими от уровня развития производительных сил общества. Используя тезис Маркса из «Нищеты философии» о всеобщей продажности

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. С. 299.

² Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. М., 2003. С. 133.

³ Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 287.

буржуазного общества, Плеханов заключает: «Можно ли удивляться тому, что во время всеобщей продажности искусство тоже делается продажным? <...> Искусство времен упадка “должно” быть упадочным (декадентским). Это неизбежно¹. Особое внимание при этом отводилось методологии исследования искусства, состоящей из двух стадий: первая – определение «социологического эквивалента» и вторая – проведение «эстетического» анализа.

Развивая мысль Белинского о переложении критиком идеи произведения писателя с языка искусства на язык философии, Плехановставил перед критикой задачу перевода идеи данного художественного произведения «с языка искусства на язык социологии», чтобы найти «социологический эквивалент данного литературного явления»². После отыскания социально-психологической, классовой основы произведения следовал второй акт критики – оценка эстетических достоинств произведения, которые «всегда находятся в самой тесной причинной связи с тем общественным настроением, которое в нем выражается», а общественное настроение всякой данной эпохи, в свою очередь, «всегда обусловливается свойственными ей общественными отношениями», зависящими от исторических форм классовой борьбы³.

Эта мировоззренческая и эстетическая позиция Плеханова была совершенно неприемлема для Пришвина: «Нельзя жить по этим жестоким и бессмысленным принципам коммунизма... <...> Классовый подход к живой личности – самая ужасная пытка для людей и губительство всякого творчества: это все равно, что стрелять в Пушкина или Лермонтова»⁴. Ведь именно методологический принцип эстетики Плеханова, что связь искусства с экономикой опосредуется общественной психологией, порождаемой борьбой классов в результате экономического развития общества, стал теоретической основой (предпониманием) для вульгарно-социологического литературоведения, отождествляющего художника с классом, нивелирующего личность, сводящего задачи искусства к иллюстрации экономических отношений и классовой психоидеологии. Так, ученик Плеханова В.М. Фриче на риторический вопрос «Что такое пролетарская поэзия?» отвечал: «Это, очевидно, поэзия, созданная пролетариями и, прежде всего, индустриальными рабочими». Пролетариат, по определению Фриче, это

¹ Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 375.

² Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 208.

³ Там же. С. 212.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1928-1929. С. 415.

«как бы новая раса, созданная из железа, отлитая из стали», символом чувств и мыслей которой является слово «мы»¹.

Гипертрофирование классового подхода при анализе любых явлений жизни было парадигмой марксистского мышления, что предопределило отношение к культуре не только Плеханова, но и Ленина, который 8 октября 1920 года, давая установку своим соратникам, со всей откровенностью заявил: «В Советской рабоче-крестьянской республике вся постановка дела просвещения как в политико-просветительной области вообще, так и специально в области искусства должна быть проникнута духом классовой борьбы пролетариата...»². Поэтому вряд ли можно считать оправданным вывод видного современного теоретика эстетики Ю.Б. Борева, что между Плехановым и постулатами эстетики социалистического реализма, «связующим звеном между дореволюционной марксистской искусствоведческой мыслью и вульгарно-социологическими теориями второй половины 30 – начала 50-х годов» был Троцкий, что «именно Троцкий заложил советскую традицию оценки художественных явлений не с эстетической, а с чисто политической точки зрения»³. В действительности же Троцкий лишь конкретизировал и развивал исходные установки классового подхода марксизма к культуре, как это делали и Плеханов, и Ленин, который прямо заявлял: «Упущение из виду классовой борьбы свидетельствует о грубейшем непонимании марксизма. <...> Может ли кто-нибудь, хоть немного знакомый с Марксом, отрицать, что учение о классовой борьбе – центр тяжести всей системы его взглядов?»⁴. Именно эта ленинская установка стала руководством не только в политике большевистской власти по отношению к «враждебным» классам, но и в отношении методологических подходов к решению проблемы, каким должно быть искусство будущего социалистического общества, какими способами его создавать.

Характерно, что Пришвин как участник литературной жизни тех лет четко определял сходство и различие эстетических позиций Ленина и Троцкого: «В литературе Ленинизм называется “напостовство”, а Троцкизм “попутчество”⁵, то есть ленинский классовый подход к культуре и искусству был лишь более ортодоксальным, чем у Троцкого. Идеологизация всей советской жизни, а не одной лишь литературы,

¹ Фриче В.М. Пролетарская поэзия. 2-е изд., доп. М., 1919. С. 102.

² Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полн. собр. соч. М., 1963. Т. 41. С. 336.

³ Борев Ю. Эстетика Троцкого // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. М., 1991. С. 5-6.

⁴ Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Полн. собр. соч. М., 1958. Т. 1. С. 320.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. С. 190.

Пришвиным понималась как закономерный результат влияния марксизма, сторонниками которого были не только Плеханов, Ленин или Троцкий: «Большевизм родился в процессе реализации интеллигентских чаяний... Керенский, Чернов, Плеханов, Троцкий ходом событий во всем мире, а не только у нас, непременно приведены были бы к тому самому, что делает теперь большевизм: делает государство силой принуждения»¹.

После захвата большевиками государственной власти в 1917 году, когда со всей очевидностью обнаружится вся разрушительная сила идеологии классовой борьбы в экономически отсталой стране, к Пришвину, как и к Плеханову, приходит понимание отсутствия в ленинско-большевистской версии марксизма позитивных, миростроительных начал. Более того, сам онтологический смысл революционной идеи, взятой большевиками у Маркса, по мнению писателя, есть уничтожение бытия, беспочвенность не только интеллигенции, но и всеобщий умопомрачительный отказ от действительности во имя некой коммунистической иллюзии. Под влиянием катастрофических итогов свершившейся в России революции марксистская вера в будущее у Пришвина утрачивает не только эмоциональную, но и идейную привлекательность: «Мечта Бебеля о катастрофе всего мира соединилась с бунтом русского народа, и так возник большевизм – явление германо-славянское, чужое идеи демократической эволюции Антанты². Вообще бюрократизм и социализм пришли к нам из Германии»³.

В первые же послереволюционные годы из России уезжает или изгоняется целая плеяда лучших деятелей русской культуры. По причине идеологической враждебности, свидетельствует Пришвин в дневниковой записи в августе 1922 года, новой властью в Москве и Петербурге арестовано и высыпается за границу около 200 литераторов и ученых. Наступает эпоха тотальной идеологизации жизни. Именно в этот переломный для духовной жизни общества период писатель создает повесть «Мирская чаша», называя ее своей «коренной вещью», воплощением главного дела, которому он посвятил жизнь – практическому влиянию творчества на общество. «Вот адский вопрос литературы: что же, художественное слово есть только последнее, самое вкусное блюдо обеденного стола мирной жизни или оно и в го-

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. С. 319.

² Антанта – империалистический блок Англии, Франции и царской России (иначе именуемый «Тройственным соглашением»), оформленный в 1904-1907 годах. С начала Первой мировой войны, развязанной Германией, страны Антанты выступали сообща. Мнение о «демократичности» Антанты, по-видимому, отражало сложившееся к октябрю 1919 года представление Пришвина, что начавшаяся в марте 1918 интервенция Антанты поможет укротить революционный бунт в России.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. С. 299.

лодное время может быть так же убедительно, как пуды черного хлеба? <...> ... придется написать книгу в форме дневника, где различные худ. произведения мои будут вкраплены в страницы моей жизни¹. Эта дневниковая запись осени 1921 года и была творческим замыслом повести, решением высказать о революционной катастрофе всю правду, найдя для этого «слова сильные, как хлеб».

Сам путь к публикации одного из самых совершенных пришвинских творений² стал еще одним свидетельством поистине трагического характера той эпохи, поскольку писатель не просто свидетельствовал о своем времени, но рассуждал, оценивал и спорил, идейно и художественно обличая самые устои нового политического режима. «Мирская чаша» оказалась настолько смелой для того времени, что редактор журнала «Красная новь» А. Воронский отказался ее печатать, откровенно сказав автору о невозможности провести такое сочинение через цензуру. Тогда писатель дерзко и решительно посыпает повесть на рецензию к Л. Троцкому, выражая в сопроводительном письме³ надежду, что «советская власть должна иметь мужество дать существование целомудренно-эстетической повести, хотя бы она и кола глаза»⁴. Однако вскоре последовавший ответ всемогущего члена Политбюро оказался похож на приговор: «Признаю за вещью крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна»⁵. Получив эту отповедь, Пришвин понимает, что «паспорт, во всяком случае, дан... <...> ... я в России при моем ограниченном круге наблюдений никогда не напишу легальной вещи...»⁶.

В «Мирской чаше» писатель ставит задачу раскрыть всю гибельность духовно чуждой для русского народа идеологии классовой борьбы, которую насаждает захватившая власть партия Ленина. Художественно ярко и убедительно показывает автор, что самонадеянно взявшиеся управлять огромной державой большевистские комиссары относятся к деревенскому люду, будто к завоеванному в битве населению, облагая все новой и новой данью. Охает, охает иной мужик от непосильных налогов, да и решает: «Пойду, — говорит, — изыхать в холодный амбар, а свое говорить буду: нет и нет.

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. С. 208, 209.

² «Мирская чаша» без десятой главы была напечатана лишь в 1979 году в журнале «Север», а полной публикации повести читатель дождался еще десять лет.

³ Очевидно, это было первое в своем роде явление, которое по мере упрочения коммунистического режима превратится в традицию «писем к вождям» как высшей разрешительной идеологической инстанции, и это явление станет одним из характерных признаков сложившегося тоталитарного государства.

⁴ Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. С. 260-261.

⁵ Там же. С. 267.

⁶ Там же.

— Грабиловка!»¹.

Но если же и холодный амбар не помогает выбивать дань из крестьянского люда, то для самых строптивых предназначена у власти иная казнь. Говорит комиссару такой мужик-недоимщик:

«“Нету!” — “Иди в прорубь!”

Раз окунули.

— Окрестили!

— Да, окрестили и спрашивают: “Есть?” — “Нету”.

Во имя Отца окунули и во имя Сына окунать. “Есть?” — “Нету”.

Из третьей Ердани вылезает. “Есть?” — “Есть”.

— Окрестили человека.

— Крестят Русь на реках Вавилонских.

— На Тигре и Ефрата»².

В данном случае автор сам обращается к религиозной герменевтике, заимствуя сюжеты из Священного Писания, чтобы по-библейски интонационно-образно показать угнетение крестьянства властью, которая для непокорных подданных выдумывает все новые и новые «египетские казни», то есть интерпретирует революционные события современной ему действительности, используя контекст христианского мировоззрения.

Но не одним лишь внешним насилием давит пролетарское государство мужика, а и в самую душу народную старается внедрить семена раздора. «Истинное наказание: Сережка Афанасьев на отца своего Афанасия Куцупого наложил контрибуцию в пять тысяч: “Будь же ты проклят!” — сказал Куцупый.

— Проклял сына?

— Проклял во веки веков»³, — передают мужики друг другу весть о близости возвещенного Евангелием «последнего времени», когда дети восстанут на отцов. Так автор, используя евангельскую фразеологию и высвечивая события современности через контекст библейской морали, показывает, что идеология классовой борьбы, внедряемая большевиками в деревню, разрушает традиционные патриархально-общинные семейные узы, которыми извечно держится крестьянское бытие: сын пошел войной на отца, а брат на брата.

Такими братьями-врагами являются в «Мирской чаше» комиссар Персюк и его брат бандит Фомка — персонажи с нарицательными именами, созданные писателем для выражения типических характеров революционной эпохи, эпохи всеобщей классовой борьбы. Персюк и Фомка — это плюс и минус, две неразрывные стороны одного явления — беззакония, которое оба они, каждый по-своему, вершат. Именно

¹ Пришвин М.М. Мирская чаша. М., 2001. С. 137.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 138-139.

беззаконие, считает Пришвин, уравнивает большевизм и бандитизм, делая их соучастниками революционного анархизма. При этом в отличие от классического анархизма, ставящего своей целью освобождение личности от давления всяких авторитетов и любых форм экономической, политической и духовной власти, характерной чертой той анархии, которая воцарилась в советской России, была ставка именно на насилие, претензия каждого на роль диктатора. «Для нас загадочны Октябрьские дни, и мы им не суды пока, но завеса в настоящем упала: коммунизм – это название государственного быта воров и разбойников», – заключает писатель¹.

Грозный комиссар Перрюк и брат его бандит Фомка своей историей напоминают библейское сказание о Каине и Авеле. Правда, братоубийство происходит в перестрелке, и лишь случайно Перрюк убьет Фомку первым. Но не случайно обращение писателя к текстам Священного Писания – это позволяет соотнести современные события с незыблемыми нравственными ценностями общечеловеческой культуры, провидчески увидеть и показать за суетным вечные основы исторического бытия. Философский смысл истории братьев Перрюка и Фомки шире использованного в повести библейского сюжета. Смысл в том, что, по Пришвину, марксистская идеология классовой борьбы не ведет общество по пути прогресса, а в братоубийственной гражданской войне нет правых и виноватых.

Осуществляя на деле плехановскую теорию классового подхода к культуре, власть широко проводила политику государственной регуляции творчества, поощряя критику оценивать искусство с позиций «трудового происхождения» художника. Широкое распространение получила вульгарно-социологическая концепция, по которой писатели делились на враждебные классовые группы. Считалось, что даже при «подражании благозвучию пушкинских стихов... поэты других классов испытывают идеологическое влияние аристократии»². В частности, Пришвина относили в лучшем случае к попутчикам³, в худшем – к представителям мелкобуржуазной литературы, которая отражала «настроения не переставшей мечтать о своей надклассности интеллигенции, воспитанной дореволюционной эпохой»⁴. Просто «удивительно, как не додумались до трудовой регуляции любви», – с сарказмом говорил по этому поводу художник⁵.

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. С. 108.

² Волькенштейн В. Опыт современной эстетики. М.-Л., 1931. С. 158.

³ Замошкин Н.И. Творчество Мих. Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества // Печать и революция. 1925. № 8. С. 126.

⁴ Горбачев Г. Современная русская литература. Л., 1929. С. 131.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. С. 82.

Конечно же, Пришвин ясно понимал, что причиной редукции советского искусства к идеологии была отнюдь не одна плехановская вульгаризация марксизма, не только догматизм советских вождей и теоретиков-эпигонов, не недостаток культуры современных критиков. Главной причиной нарастания идеологизации искусства был тоталитарный политический режим, который укреплялся за счет жесточайшего террора, оправдываемого тезисом Сталина о якобы закономерном обострении внутренней классовой борьбы даже после ликвидации эксплуататорских классов в стране по мере ее продвижения к социализму. «”Классовую борьбу” теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство»¹, которую ведут с народом и одновременно между собой большевистские вожди, заключал писатель. Действительной же задачей советской власти, считал он, должно быть не построение бесклассового общества, а народное проповедование, поскольку «образование более разделяет людей, чем классы экономические. Внеклассовое общество – это значит господство образованных людей»².

Ощущая все более усиливающееся идеологическое давление государства на творчество и понимая, что в борьбе с мировоззрением чуждой ему власти невозможно открыто выразить политический протест, художник, чтобы остаться самим собой в русской литературе, избрал иной путь: «Только если в себе самом выстроишь дом и посмотрешь на людей из окошечка этого никому не видимого и незавидного жилья, можно любить их и так сохранять себя самого от расхищения злобой»³, – так в духе подвижнического служения людям определял он свое жизненное кредо. Однако остаться вне поля зрения воинствующей критики было невозможно ни детскому писателю, ни художнику-анималисту, ни пишущему на отвлеченные от злобы дня исторические темы. РАПП⁴, присвоившая себе право быть политическим цензором над советским искусством, устами своего Генерального секретаря Л. Авербаха провозглашала: «Наша критика должна быть ортодоксально марксистской», мы «против затушевываний и замирений – за четкую идеологическую линию»⁵.

В этой атмосфере повсеместного поиска классовых врагов весьма чреватым роковыми последствиями стал один эпизод из жизни Пришвина, который лишь с позиций сегодняшнего дня кажется анекдотически-курьезным. В 1930 году писатель в духе того времени решил стать «ударником» в литературе, чтобы, заключив договор с издатель-

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1932-1935. СПб., 2009. С. 58.

² Пришвин М.М. Дневники. 1928-1929. С. 26-27.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. С. 183.

⁴ Российская ассоциация пролетарских писателей.

⁵ Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. 1926. № 1. С. 15, 20.

ством «Молодая гвардия», получать зарплату, а произведения отдавать издательству безвозмездно. И вот на одном из заседаний редакционного совета слушали отчет Пришвина, который, надеясь очаровать «этих приятных молодых людей», рассказал о проделанной работе и как обычно мастерски, с вдохновением прочитал только что законченный рассказ «Полярный роман», предназначенный для обсуждения. После продолжительной паузы зловещей тишины первый же выступающий, Осип Брик¹, сказав несколько слов дежурных похвал, вдруг напрямую обвинил автора в антисоветчине: «Вот, к примеру, вы пишете о вороне, а у вас не чувствуется, что это наша, советская ворона...»

— Как, как? — вскричал Михаил Михайлович.

— Советская ворона?

— Да, да! — продолжал настаивать Брик. — Именно не чувствуется. Конечно, сердцу не прикажешь... Вот так... Вот и все, что я хотел сказать...». По воспоминаниям присутствовавшего на этом «обсуждении» племянника писателя, «это была продуманная во всех деталях, тщательно взвешенная травля... <...> ...ораторы все долбили и долбили его»². Позже Пришвин отмечал, что эта травля продолжалась несколько лет и закончилась для него благополучно лишь благодаря роспуску РАПП в 1932 году.

Гораздо более опасными были обвинения рапповского критика А.Ефремина, писавшего в 1930 году, что любовь Пришвина к лисичкам, зайцам и воронам не просто бегство от социальной действительности, сама творимая им «легенда о Берендеевом царстве — это по существу поэтизация остатков древней дикости, идеализация и идиллизация тьмы и суеверия, оправдание старины, а, следовательно, один из способов борьбы против нашей советской культуры», что объясняется ни чем иным, как «неумением или нежеланием служить задачам классовой борьбы, задачам революции». При этом «неумение» проницательный критик отбросил сразу: «Пришвин — крупный художник, культурный писатель с европейским образованием и интересным прошлым...», а вот это-то прошлое и разоблачает его — бывшего помещика, ибо в революции как «великом историческом процессе он ви-

¹ О. Брик — критик и теоретик искусства, представитель вульгарно-социологического течения в советском литературоведении, еще в 1923 году в совместной с Маяковским статье провозгласил тезис о творчестве как технике обслуживания классовых интересов: «Мы не жрецы-творцы, а мастера — исполнители социального заказа» (Маяковский В.В., Брик О.М. Наша словесная работа // Леф. 1923. № 1. С. 41).

² Пришвин А. Вечные строки: Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. Хабаровск, 1965. С. 60-61. Данный эпизод автор воспоминаний ошибочно относит к осени 1929 года, поскольку так называемый «призыв ударников в литературу» был провозглашен РАПП только в 1930 г.

дит лишь голый разбой» (Рассказ «Адам», 1917)¹. Но главную крамолу критик находит в рассказе «Халамеева ночь» (1928), провозглашая его злобной «помещичьей отрыжкой» и одним из тех «злостных анекдотов, которыми оперирует враг, клевеща на диктатуру пролетариата»².

Конечно, если судить с позиций марксистско-плехановской эстетики, то рапповский критик был прав, оценивая творчество писателя как враждебное большевизму. Действительно, по убеждению Пришвина, при классовом подходе к творчеству искусство переставало быть специфическим способом постижения жизни со всеми ее противоречиями и превращалось в иллюстрацию идеологического материала по заданным схемам. «Был у меня со стихами своими комсомолец, рабочий с прядильной фабрики Гришин. В каждом стихотворении его встречается неоправданно слово “комсомол”, — отмечает в Дневнике писатель в конце 1927 г. — Я спросил его, зачем он повторяет слово и не пытается изображать. “Так уже полагается, — ответил он, — без этого не напечатают”»³.

Примечательно, что Пришвин ясно видит те моменты, когда ленинская и плехановская версии марксизма соединяются в культурной политике большевизма, который, принуждая искусство служить своей идеологии, оправдывает государственное насилие над личностью художника ссылками не только на Маркса, но и на русских революционеров. Прочитав в сентябре 1946 года речь Жданова о Зощенко, Пришвин приходит к выводу, что в большевизме скрыта какая-то просто средневековая ненависть к свободному искусству. Даже имена «Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Плеханова ставятся в оправдание насилия над личностью художника. То, о чем догадывались, теперь названо. Как мужики громили усадьбы помещиков, так теперь правительство выпустило своих мужиков от литературы на писателей с лозунгами из Ленина о том, что литература и все искусство являются частью дела партии (т.е. искусство есть агитация и пропаганда марксизма)»⁴.

В наиболее концептуальной форме пропагандируемая Плехановым, Лениным, Троцким и их эпигонами марксистская парадигма «классового подхода к искусству» нашла выражение в концепции «социального заказа» теоретиков РАПП. «Психику и идеологию авангарда рабочего класса в искусстве выражает реализм», — заявлял В. Ермилов. Но поскольку идеологией пролетариата является философия марксизма, то метод пролетарской литературы — это «метод диалектиче-

¹ Ефремин А. Михаил Пришвин // Красная новь. 1930. № 9-10. С. 220, 221, 223.

² Там же. С. 224.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. С. 555.

⁴ Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. 1990. № 2. С. 74.

ского материализма... это – единственный путь к гегемонии пролетарской литературы¹. Данную позицию поддержал А. Фадеев: «Овладеть передовым мировоззрением пролетариата, мировоззрением диалектического материализма, и претворение его в художественный метод», – вот главная задача пролетарского писателя².

Отождествление творческого метода с мировоззрением писателя, которое неразрывно связывалось с его классовой принадлежностью, позволяло рапповцам под видом борьбы за плехановский принцип «классовой линии в литературе» осуществлять травлю всех несогласных с курсом РАПП на идеино-эстетическую монополию. И прямым развитием мысли Плеханова о том, что искусство и литература, как всякая идеология, выражают стремления и настроения общественного класса³, стал вульгарно-социологический вывод, что «художественное творчество является лишь особой формой идеологии»⁴, что у всякого художника «недостатки стиля есть недостатки мировоззрения»⁵. Ведь точка зрения, что произведение искусства есть воплощенная идеология, прямо вытекала из знаменитой формулы Плеханова, что только «правильная» идея может породить адекватную форму и великое произведение⁶. Согласно Плеханову, именно пролетарская революция и марксистская идеология откроют путь к творческой гармонии художника с обществом.

Классовый подход к искусству разрабатывал также Н.И. Бухарин, ценнейший и крупнейший, по ленинской оценке, теоретик большевистской партии⁷, который, по поводу призывов интеллигенции допустить в стране свободу творчества, заявлял: «Мы руководства из своих рук не можем выпустить, на что имеем историческое право, и то, что нам вменяется в вину, это есть с точки зрения коммунистической величайшая добродетель»⁸. И поскольку РКП (б) проводит линию на гегемонию марксизма, то образование и искусство должны работать на партию: «Пора бросить нейтральную по отношению к политике точку зрения. Нет такой!»⁹. Тем же, кто сомневался в способности большеви-

¹ Ермилов В. О творческом лице пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. Второй сборник статей. М.-Л., 1929. С. 170, 189.

² Фадеев А. Заметки об отставании // На литературном посту. 1931. № 2. С. 2.

³ Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. М., 1948. С. 207.

⁴ Канатчиков С.И. В борьбе за пролетарскую идеологию. М., 1931. С. 73.

⁵ Селивановский А. Попутничество и союзничество. М.-Л., 1932. С. 75.

⁶ Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 346.

⁷ Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. М., 1982. Т. 45. С. 345.

⁸ Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции // Печать и революция. 1925. Кн. 3. С. 5.

⁹ Там же. С. 7.

виков подчинить все умы идею коммунизма, Бухарин отвечал, что эта задача будет решена через подготовку новой интеллигенции: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер», поэтому «мы будем штамповывать интеллигентов, будем вырабатывать их как на фабрике. <...> Если мы поставили себе задачу идти к коммунизму, мы должны этой задачей пропитать все решительно»¹.

Эту «штамповку интеллигенции», ее «тренировку» на определенный идеологический манер вскоре стал осуществлять Сталин, всячески разжигая распри среди деятелей культуры, натравливая их друг на друга, призывая к войне с «классовыми врагами» в искусстве. А для этого, наставляя своих соратников продолжатель дела Ленина и Плеханова, «вернее всего было бы оперировать в художественной литературе понятиями классового порядка, или даже понятиями “советское”, “антисоветское”, “революционное”, “антиреволюционное” и т.д.»². Травля творческой интеллигенции, т.е. «штамповка-тренировка» ее, была сущностью политического руководства Сталина и его приспешников. Это был курс на создание политизированного искусства, предназначение которого – художественная пропаганда идеологии тоталитарной власти.

Отождествление искусства с классовой психоидеологией не только превращало творчество в работу по жесткой рецептуре, но и приобретало характер литературоведческих аксиом, поэтому формула «искусство – это идеология» вплоть до начала 1950-х годов входила во все учебники литературы³. Искусство в таком понимании переставало быть специфически-образным способом постижения жизни со всеми ее противоречиями и превращалось в один из способов выполнения «социального заказа», в иллюстрацию идеально-политического материала по заданным логическим схемам. Неистовые ревнители классовой чистоты советского искусства «недостаточным» марксистом сочли даже Плеханова, якобы не понявшего смысл тезиса Маркса, что «сущность человека – совокупность общественных отношений». Для воинственной рапповской критики, присвоившей себе право говорить от имени пролетариата, истинно марксистской провозглашалась лишь позиция полного подчинения творчества идеологии: «Личная свобода писателя всегда является функцией классовой необходимости, – давал установку Авербах своим соратникам в статье “Долой Плеханова”. – Деятельность художника всегда социально детерминирована (обу-

¹ Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции. С. 6.

² Сталин И.В. Ответ Бильль-Белоцерковскому // Соч.: В 13 т. М., 1949. Т. 11. С. 326-327.

³ См. напр.: Пospelов Г. Теория литературы. М., 1940. С. 6; Тимофеев Л. Русская советская литература. М., 1952. С. 9.

словлены) — вот наше понимание “социального заказа”¹. В итоге рапповские критики стали сводить творчество к выражению идеологии класса, провозгласив, что «для пролетарских писателей выполнение социального заказа и отражение идеологии своего класса — одно и то же дело, неразделимое и органическое»².

Сведение художественного творчества к образному показу классовой идеологии было, так сказать, критикой плехановской эстетики справа. Критика же с левацких позиций предстала во взглядах литературоведа-марксиста профессора В.Ф. Переверзева, провозгласившего, что «было бы последовательно марксистски создавать теорию социального приказа и даже точнее — теорию классового приказа. <...> А в позиции социального заказа никакого материализма нет»³. Выражая господствующие императивы отношения большевистской власти к творчеству, Переверзев откровенно заявлял: «Мы вовсе не обращаемся с заказом ни к лефовцам, ни к рабочим, мы просто, как власть имущие, приказываем петь тем, кто умеет петь нужные песни, и молчать тем, кто не умеет петь»⁴. Тех же, кто не желал «петь нужные песни», ревнители классово-политического подхода к искусству зачисляли в категорию «врагов народа», ибо руководством к действию во всех сферах жизни были лозунги, провозглашенные Лениным — «Кто не с нами, тот против нас!» и Горьким — «Если враг не сдается — его уничтожают!»

Введение понятия «социальный заказ» в практику отношения государевой власти к творчеству, пишет Пришвин, возвращало общество «к эпохе упадка народнической литературы, к диктатуре гражданской морали»⁵. Это был безусловный тормоз развития литературы, которой революционный процесс начала века дал мощный стимул к освобождению от идеологического диктата: «После первого взрыва 1905 года только отдельные люди из старой интеллигенции оставались в народе на культурной работе. Некрасовский дух, народнический идеализм исчезал, оставались техники-специалисты. Литература вошла в свое собственное русло, и “гражданственность” из нее была изгнана: это представлялось освободительным процессом литературы,

¹ Авербах Л. «Долой Плеханова» (Куда растет школа Воронского) // Творческие пути пролетарской литературы. Второй сборник статей. М.-Л., 1929. С. 297.

² Штейман З. К спору о социальном заказе // Печать и революция. 1929. Кн.1. С. 46.

³ Переверзев В.Ф. О теории социального заказа // Печать и революция. 1929. Кн.1. С. 60.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. С. 530.

сопровождавшимся расцветом талантов Блока, Брюсова, Белого, Сологуба, Розанова...»¹.

Но если в народнической беллетристике, по мнению Пришвина, «искусство и гражданственность смешивались механически», являясь следствием дурного художественного вкуса², то государственная идеология советской эпохи в 1920-е годы взяла курс на насаждение марксистского мировоззрения в искусстве диктаторскими методами. Примером стал откровенный волонтаризм отношения власти к художникам. «Что Сталин все может, – писал Пришвин в Дневнике 1929 года, – видно на примере Всеволода Иванова, которого уже начинали сильно травить. Он поставил плохонькую пьесу, но Сталину понравилось, и во всех газетах прорубили, что пьеса превосходная. Такое жалкое положение: литература припадает к стопам диктатора»³.

Пришвин считает неприемлемым любое идеологическое вмешательство в творчество художника как нынешнее со стороны коммунистической власти, так и народническое, некогда противостоящее царской власти. Поэтому он изображает лживость большевистской идеологии, в которой «ложь перестает осознавать себя как утаивание, она приобретает новый характер, меняющий само наше мироотношение. <...> Здесь и заявляет о себе власть речи во всем ее объеме, пусть даже она и развертывается лишь в форме разоблачающего общественно-го вердикта»⁴.

Избавление культуры от непреложной классовости, к которой призывали идеологи марксизма от Плеханова до Сталина и К^o, было для писателя важнейшим культурным завоеванием общества, и идейное освобождение художника он считал равноценным «отделению церкви от государства»⁵. Конечно, это вовсе не означало пришвинского безразличия к делам общества или стремления замкнуться в круге художественно-эстетических проблем. Настоящий художник, по мнению Пришвина, всегда связан с жизнью народа и воспринимает запросы общества как свое «родственное поручение». Развивая эту мысль, писатель говорил о себе: «Хотя я никогда не был народником, но воспитывался среди них, и этика моя народническая»⁶. Поэтому свое самоутверждение и спасение как писателя Пришвин видит в служении всем людям и всему обществу, а не какому-либо классу, а тем более какой-либо одной партии: «После революции я во время ненависти, злобы и лжи решил против этого выступить не с обличением, а с очень

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. С. 150.

² Там же. С. 528.

³ Пришвин М.М. Дневники. 1928-1929. С. 379.

⁴ Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика. С. 68-69.

⁵ Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. С. 528.

⁶ Пришвин М.М. Дневники. 1928-1929. С. 123.

скромным рассказом о хороших людях – так возникла “Кашеева цепь”, и начался победный ход моего писательства. Как бы все принимаю, пусть господствует зло, но утверждаю неприкосновенную силу добра как силу творческого труда и, прежде всего: “хлеб наш насыщенный”¹. В результате, миропонимание Пришвина закономерно сдвигалось от односторонности марксистско-материалистического взгляда на мир в сторону того универсального мировоззрения, которое, будучи основано на исконно-русской философии и культуре, вбирало в себя все богатство культуры мировой.

¹ Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. С. 497.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Августин Блаженный. Исповедь. – М.: «Гендальф», 1992. – 544 с.
2. Авербах Л. Опять о Воронском // На литературном посту. – 1926. – № 1. – С. 15-20.
3. Авербах Л. «Долой Плеханова» (Куда растет школа Воронского) // Творческие пути пролетарской литературы. Второй сборник статей. – М.-Л.: Гиз, 1929. – С. 259-300.
4. Бармин А. М. Пришвин // Звезда. – 1927. – № 11. – С. 171-172.
5. Басин П.В. Горький. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 2-е изд. – 451 с.
6. Бабореко А.К. И.А. Бунин: Материалы для биографии с 1870 по 1917. – М.: Художественная литература, 1983. – 351.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
8. Белик А. О некоторых ошибках в литературоведении // Октябрь. – 1950. – Кн. 2. – С. 153-157.
9. Белый. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: В 3-х кн. Кн. 1. – М.: Художественная литература, 1989. – 543 с.
- 10.Белый. А. Начало века. Воспоминания: В 3-х кн. Кн. 2. – М.: Художественная литература, 1989. – 687 с.
- 11.Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. – 528 с.
- 12.Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 224 с.
- 13.Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – С. 43-271.
- 14.Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С. 250-289.
- 15.Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н.А Бердяев. / Сост. и вступ. ст. В.Н.Калюжного. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – С. 425-696.
- 16.Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Н.А. Бердяев. / Сост. и вступ. ст. В.Н. Калюжного. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – С. 381-564.
- 17.Байрон С.Г. Плеханов, утопизм и российская революция // Отечественная история. – 1995. – № 5. – С. 117-129.
- 18.Библия.

- 19.Блок А.А. М. Пришвин. У стен града невидимого // Собр. соч.: В 8 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – Т. 5. – С. 651.
- 20.Блок А.А. «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» // Собр. соч.: В 8 т. – М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – Т. 6. – С. 8.
- 21.Блок А.А. Интеллигенция и революция // Собр. соч.: В 8 т. М.-Л.: ГИХЛ, 1962. – Т. 6. – С. 9-20.
- 22.Блок А.А. Письма. 1898-1921. // Собр. соч.: В 8 т. – М.-Л.: ГИХЛ, 1963. – Т. 8. – 771 с.
- 23.Блок А. Записные книжки. – М.: Художественная литература, 1965. – 342 с.
- 24.Борев Ю. Эстетика Троцкого // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. – М.: Политиздат, 1991. – С. 3-20.
- 25.Борисова Н.В. Художественное бытие мифа в творчестве М.М.Пришвина. Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2004. – 227 с.
- 26.Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия. М.: Адепт, 2003. [CD ROM]
- 27.Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Московский рабочий, 1996. – Т. 5. – С. 23-286.
- 28.Бунин И.А. Письма 1885-1904 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 768 с.
- 29.Бунин И.А.: Новые материалы. Вып. I / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. – М.: Русский путь, 2004. – 584 с.
- 30.Бунин И.А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. – М.: Советский писатель, 1990. – 416 с.
- 31.Бурсов Б. «Мать» Горького и вопросы социалистического реализма. – Л.: ГИХЛ, 1951. – 165 с.
- 32.Бухарин Н. Судьбы русской интеллигенции // Печать и революция. – 1925. – Кн. 3. – С. 1-10.
- 33.Бэкон Ф. Новый Органон // Соч.: В 2 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 7-214.
- 34.Варламов А.Н. Пришвин. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 548 с.
- 35.Варламов А. Пришвин и Бунин (Литературный этюд) // Вопросы литературы. – 2001. – № 2. – С. 21-38.
- 36.Волькенштейн В. Опыт современной эстетики. – М.-Л.: Академия, 1931. – 188 с.
- 37.Воспоминания о Михаиле Пришвине: Сборник. – М.: Советский писатель, 1991. – 368 с.
- 38.Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. – М.: Гиз, 1960. – 321 с.
- 39.Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

40. Гадамер Г.-Г. Философия и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 9-15.
41. Гадамер Г.-Г. Философские основания ХХ века // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 16-26.
42. Гадамер Г.-Г. Язык и понимание // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 43-60.
43. Гадамер Г.-Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 60-71.
44. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 72-82.
45. Гадамер Г.-Г. Философия и литература // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М.: Искусство, 1991. – С. 126-146.
46. Гиппиус З.Н. Задумчивый странник. О Розанове // В.В. Розанов: pro et contra. – Кн. I. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 143-185.
47. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951 // http://az.lib.ru/g/gippius_z_n/.
48. Голлербах Э. В.В. Розанов. Жизнь и творчество. – М.: МП «Квазар», 1991. – 84 с.
49. Горлов В. «Бедные Пришвины?» // Красное знамя. – Елец, 2003. – 6 декабря. – С. 4.
50. Горбачев Г. Современная русская литература. – Л.: Прибой, 1929. – 394 с.
51. Горький М. О М.М. Пришвине // Красная новь. – 1926. – № 12. – С. 230-236.
52. Горький М. Если враг не сдается – его уничтожают. Сборник публицистических статей. – М.: ГИПЛ, 1931. – 123 с.
53. Горький М. С кем вы, “мастера культуры”? Ответ американским корреспондентам // Собр. соч.: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 26. Статьи, речи, приветствия (1931-1933). – С. 248-269.
54. Горький М. О литературной технике // Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. – Т. 26. Статьи, речи, приветствия (1931-1933). – С. 329-336.
55. Горький М. О прозе // Собр. соч.: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 26. Статьи, речи, приветствия (1931-1933). С. 387-408.
56. Горький М. О пьесах // Собр. соч.: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1953. – Т. 26. Статьи, речи, приветствия (1931-1933). – С. 409-426.
57. Горький М. Письмо М.М. Пришвину 20 ноября 1923 г. // Собр. соч.: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 29. – Письма, телеграммы, надписи. 1907-1926. – С. 417-419.
58. Горький М. Письмо М.М. Пришвину 22 сентября 1926 г. // Собр. соч.: В 30 т. – М.: ГИХЛ, 1955. – Т. 29. – Письма, телеграммы, надписи. 1907-1926. – С. 476-478.

59. Горький М. Заметки о мещанстве // Собр. соч.: В 16 т. – М.: Изд-во «Правда», 1979. – Т. 16. – С. 194-219.
60. Горький М. Еще о «карамазовщине» // Собр. соч.: В 16 т. – М.: Изд-во «Правда», 1979. – Т. 16. – С. 275-281.
61. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. – М.: Советский писатель, 1990. – 400 с.
62. Григорьев М. Бегство в Берендеево царство: О творчестве Пришвина // На литературном посту. – 1930. – № 8. – С. 48-61.
63. Григорьев М. Пришвин и Берендеево царство // Пришвин М.М. Собр. соч.: В 7 т. – М.-Л.: ГИХЛ, 1931. – Т. 6. – С. 397-447.
64. Девятый съезд РКП (б). Март-апрель 1920 г. Протоколы. – М.: ГИПЛ, 1960. – 650 с.
65. Декреты Советской власти. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918. – М.: ГИПЛ, 1957. – Т. 1. – 626 с.
66. Декреты Советской власти. 17 марта – 10 июля 1918 г. – М.: ГИПЛ, 1959. – Т. 2. – 686 с.
67. Декреты Советской власти. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: ИПЛ, 1964. – Т. 3. – 664 с.
68. Декреты Советской власти. 10 ноября 1918 г. – 31 марта 1919 г. – М.: ИПЛ, 1968. – Т. 4. – 731 с.
69. Декреты Советской власти. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. – М.: ИПЛ, 1974. – Т. 7. – 676 с.
70. Джемс У. Что такое pragmatism? // Вестник МГУ. – Серия «Философия». – 1993. – № 3. – С. 81-98.
71. Джемс У. Научные основы психологии. – Минск: Харвест, 2003. – 528 с.
72. Достоевский Ф.М. Бесы // Собр.соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1974. – Т. 10. – 517 с.
73. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн.собр.соч.: В 30 т. – Л.: Наука, 1976. – Т. 14. – 511 с.
74. Евгеньев А. «Серая Сова» // Литературное обозрение. – 1939. – № 11. – С. 5-9.
75. Ермилов В. О творческом лице пролетарской литературы // Творческие пути пролетарской литературы. Второй сборник статей. – М.-Л.: Гиз, 1929. – С. 125-190.
76. Ефремин А. Михаил Пришвин // Красная новь. – 1930. – № 9-10. – С. 219-232.
77. Замошкин Н. И. Творчество Михаила Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества // Печать и революция. – 1925. – Кн. 8. – С. 124-130.
78. Замошкин Н. Писатель-Берендей // Пришвин М.М. Собр.соч.: В 7 т. – М.,-Л.: Гиз, 1927. – Т. 1. – С. 19-35.

- 79.Зархин С.Б. Михаил Михайлович Пришвин. – Липецк: Липецкое книжное издательство, 1960. – 24 с.
- 80.Зонин А. Надо перепахать // На посту. – 1923. – № 1. – С. 213-224.
- 81.Иванов Вяч. Наш язык // Вехи. Из глубины. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С. 354-360.
- 82.Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 1994. – 320 с.
- 83.Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан // Иванов-Разумник Р.В. Соч.: Т. 2 Творчество и критика. – СПб.: Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – С. 42-70.
- 84....Из русской думы / Сост., авт. портретов и текста «От сложителя» худож. Ю. Селиверстов: В 2 т. – М.: Роман-газета, 1995. – Т. 2. – 312 с.
- 85.Ильин И.А. Черносотенство – проклятие и гибель России // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 177-180.
- 86.Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
- 87.Канатчиков С.И. В борьбе за пролетарскую идеологию. – М.: Федерация, 1931. – 132 с.
- 88.Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие Православия в их творениях). – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 176 с.
- 89.Клямкин И. Почему трудно говорить правду // Новый мир. – 1989. – № 2. – С. 204-238.
- 90.Кор Б. Не попутчик, а союзник или враг // На литературном посту. – 1931. – № 2. – С. 39-40.
- 91.Крайний А. [З. Гиппиус] Литераторы и литература // Русская мысль. – 1912. – № 5. – С. 26-31.
- 92.Ленин В.И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов) // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 1. – С. 125-346.
- 93.Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе). По поводу книги П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». СПБ., 1894 г. // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 1. – С. 347-534.
- 94.Ленин В.И. Прошения В.И. Ульянова (Ленина) 1887-1893 гг. // Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 1. – С. 555-556.
- 95.Ленин В.И. Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа» // Полн. собр. соч. – М., 1971. – Т. 4. – С. 199-210.
- 96.Ленин В.И. О фракции «Впередовцев» // Полн. собр. соч. – М., 1973. – Т. 19. – С. 312-318.

97. Ленин В.И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) // Полн. собр. соч. – М., 1961. – Т. 26. – С. 307-350.
98. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. – М., 1962. – Т. 31. – С. 113-118.
99. Ленин В.И. Седьмой экстренный съезд РКП (б) 6-8 марта 1918 г. // Полн. собр. соч. – М., 1962. – Т. 36. – С. 1-76.
100. Ленин В.И. Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. // Полн. собр. соч. – М., 1962. – Т. 36. – С. 239-276.
101. Ленин В.И. VIII съезд РКП (б) 18-23 марта 1919 г. // Полн. собр. соч. – М., 1963. – Т. 38. – С. 25-215.
102. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Полн. собр. соч.– М., 1963. – Т. 41. – С. 298-318.
103. Ленин В.И. О пролетарской культуре // Полн. собр. соч. – М., 1963. – Т. 41. – С. 336-337.
104. Ленин В.И. Письмо к съезду // Полн. собр. соч. – М., 1982. – Т. 45. – С. 343-348.
105. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. Деятельность. Сознание. Личность. – 320 с.
106. Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 562с.
107. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. – М.: Мысль, 1993. – С. 613-801.
108. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф – число – сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 5-216.
109. Лосев А.Ф. Первозданная сущность // Лосев А.Ф. Миф – число – сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 233-262.
110. Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Лосский Н.О. Избранное. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С. 11-334.
111. Лосский Н.О. История русской философии. – М.: Высшая школа, 1991. – 522 с.
112. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 23-236.
113. Лосский Н.О. Характер русского народа // Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. – М.: Политиздат, 1991. – С. 237-360.
114. Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Лосский Н.О. Избранное. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С. 335-480.
115. Лосский Н.О. Свобода воли // Лосский Н.О. Избранное. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С. 481-597.

116. Лосский Н.О. Идея конкретности в русской философии // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 127-135.
117. Лосский Н.О. Учение о перевоплощении. Интуитивизм. – М.: Издательская группа «Прогресс», VIA, 1992. – 208 с.
118. Лосский Н.О. Идеал-реализм // Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция / Сост. А.Поляков. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 1999. – С. 290-348.
119. Малютин З. Очерки, становящиеся реакционными «Записками писателя». О «Журавлиной родине» и «Девятой ели» // На литературном посту. – 1930. – № 17. – С. 82-85.
120. Мамонтов О.Н. Новые материалы к биографии М.М.Пришвина // Русская литература. – 1986. – № 2. – С. 175-185.
121. Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419-459.
122. Маркс К. К Критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1959. – Т. 13. – С. 1-167.
123. Маркс К. Капитал // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. – М., 1960. – Т. 23. – 907 с.
124. Маяковский В.В., Брик О.М. Наша словесная работа // Леф. – 1923. – № 1. – С. 40-41.
125. Мейер А.А. Религия и культура // Мейер А.А. Философские сочинения. – Париж, 1981. – С. 31-95.
126. Мейер А.А. Мысли про себя // Мейер А.А. Философские сочинения. – Париж, 1981. – С. 389-453.
127. Мейер А.А. Петербургское Религиозно-философское общество // Вопросы философии. – 1992. № 7. – С. 107-115.
128. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. – СПб.: Б.М. Вольф, 1893. – С. 192.
129. Мережковский Д.С. Акрополь (1897) // Мережковский Д.С. Вечные спутники // <http://merezhkovski.ru/proizvedeniya.php>.
130. Мережковский Д.С. Иисус Неизвестный // <http://merezhkovski.ru/proizvedeniya.php>.
131. Мережковский Д.С. Революция и религия // <http://merezhkovski.ru/proizvedeniya.php>.
132. Мережковский Д.С. Автобиографическая заметка // <http://merezhkovski.ru/proizvedeniya.php>.
133. Мережковский Д.С. В тихом омуте // <http://merezhkovski.ru/proizvedeniya.php>.
134. Мережковский Д.С. Смерть богов (Юлиан Отступник) // Собр. соч.: В 4 т. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т. 1. С. 27-306.
135. Мережковский Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) (Книги десятая – семнадцатая) // Собр. соч.: В 4 т. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т. 2. – С. 7-316.

136. Мережковский Д.С. Антихрист (Петр и Алексей) // Собр. соч.: В 4 т. М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т. 2. – С. 319-759.
137. Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Больная Россия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. С. 13-45.
138. Мережковский Д.С. Св. София // Мережковский Д.С. Больная Россия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 79-90.
139. Мережковский Д.С. О новом религиозном действии (Открытое письмо Н.А. Бердяеву) // Мережковский Д.С. Больная Россия. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – С. 91-110.
140. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский // <http://merezhkovski.ru/proizvedeniya.php>.
141. Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. – М.: Республика, 1995. – 624 с.
142. Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер. с фр. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – 128 с.
143. Мунье Э. Манифест персонализма / Пер. с фр. – М.: Республика, 1999. – 559 с.
144. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. – Т. 1. А-К. – 672 с.
145. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. – Т. 2. К-Я. – 720 с.
146. Нацкий Д.И. Мой жизненный путь / Предисл. В.Б. Нацкого; Послесл. К.В. Нацкого; Государственная публичная историческая библиотека России. – М.: , 2004. – 512 с.
147. Нацкий Д.И. Некоторые черты из биографий писателей-ельчан И.А. Бунина и М.М. Пришвина // Иван Бунин: филологический дискурс: коллективная монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – С. 273-276.
148. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Соч.: В 2 т.– М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 47-157.
149. Новгородцев П.И. Об общественном идеале // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. Статьи разных лет. – М.: Пресса, 1991. – С. 13-522.
150. Одоевцева И.В. На берегах Сены. – М.: Художественная литература, 1989. – 333 с.
151. Письма М.М. Пришвина М. Горькому // Литературное наследство. – Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 319-362.
152. Переверзев В.Ф. О теории социального заказа // Печать и революция. – 1929. – Кн. 1. – С. 60-63.

153. Письма Д.С. Мережковского к П.П. Перцеву (публикация и примечания М.Ю. Кореневой) // Русская литература. – 1991. – № 3. – С. 132-159.
154. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. – М.: ГИПЛ, 1956. – Т. 1. – С. 507-730.
155. Плеханов Г.В. Материалистическое понимание истории // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1978. – Т. 1. – С. 105-143.
156. Плеханов Г.В. Письма без адреса // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1978. – Т. 1. – С. 144-261.
157. Плеханов Г.В. Французская драматическая литература и французская живопись XVIII века с точки зрения социологии // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1978. – Т. 1. – С. 262-289.
158. Плеханов Г.В. Пролетарское движение и буржуазное искусство // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1978. – Т. 1. – С. 290-312.
159. Плеханов Г.В. Искусство и общественная жизнь // Плеханов Г.В. Эстетика и социология искусства: В 2 т. – М.: Искусство, 1978. – Т. 1. – С. 313-380.
160. Плеханов Г.В. Предисловие к третьему изданию сборника «За двадцать лет» // Плеханов Г.В. Искусство и литература. – М.: ГИХЛ, 1948. – С. 207-215.
161. Плеханов Г.В. Открытое письмо к Петроградским рабочим // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 105-106.
162. Поспелов Г. Теория литературы. – М.: Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса, 1940. – 262 с.
163. Подоксенов А.М. Мировоззренческий контекст повести М.М. Пришвина «Мирская чаша» (Опыт герменевтического исследования). Монография. – Белгород: БелГУ, Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2007. – 326 с.
164. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин: философско-мировоззренческие контексты творчества. Монография. – Белгород: БелГУ, Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2009. – 348 с.
165. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Василий Розанов: мировоззренческий контекст творческого диалога. Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2010. – 395 с.
166. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин: мировоззрение и творчество (Философско-эстетический дискурс и культурный контекст). –

Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 398 с.

167. Подоксенов А.М. Повесть М.М. Пришвина «Мирская чаша»: герменевтика творчества (Философско-мировоззренческий дискурс и культурные контексты). – Saarbrucken, Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 326 с.

168. Подоксенов А.М. Пришвин М.М. о большевизме как религиозном сектантстве в Дневниках 1914-1922 годов и в «Мирской чаше» // Религиоведение. – 2004. – № 3. – С. 113-124.

169. Подоксенов А.М. Г.В. Плеханов в мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина // Русская литература. – 2007. – № 1. – С. 73-86.

170. Подоксенов А.М. О проблеме «богоискательства» в мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 79-89.

171. Подоксенов А.М. М.Пришвин о роли идей М.Штирнера и марксизма в понимании большевистской коммуны // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9. Спец. вып. 2 (38). – С. 375-384.

172. Подоксенов А.М. Пришвин М.М. и Бунин И.А. об истоках и причинах революционной смуты 1917 года // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 12 (56). – С. 80-88.

173. Подоксенов А.М. В.В. Розанов в период «богоискательства» М.М. Пришвина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия. – 2007. – № 15. – С. 164-173.

174. Подоксенов А.М. Психоанализ Зигмунда Фрейда в жизни, мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина // Русская литература. – 2008. – № 3. – С. 36-64.

175. Подоксенов А.М. Мировоззренческий путь М.М. Пришвина от народничества к марксизму // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 3 (59). – С. 355-363.

176. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Фридрих Ницше // Человек. – 2008. – № 5. – С. 74-89.

177. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Алексей Лосев // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия «Философия и социология; культурология». – 2011. – № 1 (4). – С. 60-67.

178. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Николай Лосский // Человек. – 2011. – № 5. – С. 143-156.

179. Подоксенов А.М. Михаил Пришвин и Максим Горький: тайна прототипа огородника Крыскина из повести «Мирская чаша» // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия. – 2011. – № 1 (5). – С. 10-20.

красова. Серия «Гуманитарные науки»: Энтелехия. – 2011. – № 23. – С. 97-106.

180. Полный Православный богословский энциклопедический словарь. Репринтное изд. В 2 т. – М., 1992. – Т. 2. – 2464 стлб.

181. Поспелов Г. Теория литературы. – М.: Гос.уч.-пед. изд-во Наркомпроса, 1940. – 262 с.

182. Пришвин М.М. Земля и власть. Самосуд или протокольчик (Воля народа. – 1917. – № 145. – 15 октября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 97-101.

183. Пришвин М.М. Смех обезьян. Из дневника (Воля народа. – 1917. – № 157. – 29 октября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 105-106.

184. Пришвин М.М. Красный гроб. Слово о том, как показала Россия, что человек действительно происходит от обезьяны (Воля народа. – 1917. – № 164. – 5 ноября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 108-109.

185. Пришвин М.М. Поцелуйте боженьку под хвостик! (Воля народа. – 1917. – № 165. – 7 ноября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2004. – С. 109-111.

186. Пришвин М.М. Ключ и замок. Из дневника (Воля народа. – 1917. – № 167. – 9 ноября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 112-114.

187. Пришвин М.М. Князь тьмы. Из дневника (Воля народа. – 1917. – № 173. – 15 ноября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 119-120.

188. Пришвин М.М. В защиту слова. Из дневника (Воля вольная. – 1917. – № 1. – 26 ноября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 124-127.

189. Пришвин М.М. Молитва пастуха (Воля вольная. – 1917. – № 1. – 26 ноября) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 127-128.

190. Пришвин М.М. Сила вещей (Воля народа. – 1917. – № 182. – 1 декабря) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 130-131.

191. Пришвин М.М. Большевик из балаганчика. Ответ Александру Блоку. (Воля страны. – 1918. – № 16. – 16 (3) февраля) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 170-171.

192. Пришвин М.М. Кровавый гусак. Из дневника (Раннее утро. – 1918. – № 46. – 24 марта) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 185-187.

193. Пришвин М.М. В телячьем вагоне (Жизнь. – 1918. – № 10. – 4 мая) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 192-195.
194. Пришвин М.М. Буржуй и пролетарий (Раннее утро. – 1918. – № 84. – 14 мая) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 200-202.
195. Пришвин М.М. Русский чан (Раннее утро. – 1918. – № 87. – 17 мая) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 203-204.
196. Пришвин М.М. Базар. Пьеса для чтения вслух // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 339-357.
197. Пришвин М.М. У мужиков и помещиков (Русские ведомости. – 1906. – № 243) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. – С. 437-442.
198. Пришвин М.М Православный с загульчей улицы (Речь. – 1915. – № 217. – 9 августа) // Пришвин М.М. Цвет и крест. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004. С. 483-485.
199. Пришвин М.М. В краю непуганных птиц // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 41-180.
200. Пришвин М.М. За волшебным колобком // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 181-386.
201. Пришвин М.М. У стен града невидимого (Светлое озеро) // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 387-474.
202. Пришвин М.М. Господа умилились // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 572-574.
203. Пришвин М.М. Тютенькин лог // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 678-692.
204. Пришвин М.М. Земля Нового Израиля // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 750-752.
205. Пришвин М.М. Круглый корабль // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 1. – С. 787-794.
206. Пришвин М.М. Кащеева цепь // Собр. соч.: В 8-ми т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2. – С. 5-482.
207. Пришвин М.М. Астраль (Возле процесса «Охтинской богородицы» // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1982. – Т. 2. – С. 582-592.
208. Пришвин М.М. Мирская чаша. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – С. 73-145.
209. Пришвин М.М. Мой очерк. Биографический анализ // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 3. – С. 5-10.

210. Пришвин М.М. Охота за счастьем. Рассказ из своей жизни // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 3. – С. 11-29.
211. Пришвин М.М. Журавлина родина. Повесть о неудавшемся романе // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 3. – С. 30-160.
212. Пришвин М.М. Календарь природы // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 3. – С. 162-378.
213. Пришвин М.М. Осударева дорога // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 6. – С. 6-214.
214. Пришвин М.М. Глаза земли // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 7. – С. 86-458.
215. Пришвин М.М. Незабудки // Пришвин М.М. Весна света. – М.: Жизнь и мысль, 2001. – С. 319-568.
216. Пришвин М.М. Из дневников ранних лет // Пришвин и современность / Сост. П.С. Выходцев. – М.: Современник, 1978. – С. 206-290.
217. Пришвин М.М. Дневники. 1905-1954 // Собр. соч.: В 8 т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т.8. – 759 с.
218. Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905-1913. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2007. – 800 с.
219. Пришвин М.М. Дневники. 1914-1917. – М.: Московский рабочий, 1991. – 432 с.
220. Пришвин М.М. Дневники. 1918-1919. – М.: Московский рабочий, 1994. – 383 с.
221. Пришвин М.М. Дневники. 1920-1922. – М.: Московский рабочий, 1995. – 334 с.
222. Пришвин М.М. Дневники. 1923-1925. – М.: Русская книга, 1999. – 416 с.
223. Пришвин М.М. Дневники. 1926-1927. – М.: Русская книга, 2003. – 592 с.
224. Пришвин М.М. Дневники. 1928-1929. – М.: Русская книга, 2004. – 544 с.
225. Пришвин М.М. Дневники. 1930-1931. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2006. – 704 с.
226. Пришвин М.М. Дневники. 1932-1935. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2009. – 1008 с.
227. Пришвин М.М. Дневники. 1936-1937. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010. – 992 с.
228. Пришвин М.М. Дневники. 1938-1939. – СПб.: ООО «Изд-во “Росток”», 2010. – 608 с.
229. Пришвин М.М. Дневники. 1940-1941. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 880 с.

230. Пришвин М.М. Дневники. 1942-1943. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.– 813с.
231. Пришвин М.М. Из дневников последних лет // Собр. соч.: В 6 т. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 6. – С. 333-798.
232. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1909-1930. Из дневников // Наше наследие. – 1990. – № 1. – С. 64-85.
233. Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге» 1931-1952. Из дневников // Наше наследие. – 1990. – № 2. – С. 58-83.
234. Пришвин М. Записи о творчестве // Контекст-1974.: Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1975. – С. 312-359.
235. Пришвин М. О Розанове // Контекст-1990: Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1990. – С. 161-218.
236. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: Дневник любви. – СПб.: ООО «Изд-во Росток», 2003. – 256 с.
237. Пришвина В.Д. Путь к Слову. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 262 с.
238. Пришвина В.Д. Круг жизни / Очерки о М.М.Пришвине. – М.: Художественная литература, 1981. – 239 с.
239. Пришвин А.С. Вечные строки. Воспоминания о встречах с М.М. Пришвиным. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1975. – 96 с.
240. Пришвин Михаил Михайлович (1873-1954): Материалы для библиографического указателя / Сост. З.Я.Холодова. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2002. – 118 с.
241. Рикер П. История и истина / Пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.
242. Розанов В.В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. – 607 с.
243. Розанов В.В. Сумерки просвещения. – М.: Педагогика, 1990. – 624 с.
244. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского // Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. – М.: Искусство, 1990. – С. 37-224.
245. Розанов В.В. Таинственные соотношения // Розанов В.В. Сочинения. – М.: Советская Россия, 1990. – С. 445-447.
246. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 21-86.
247. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 87-202.
248. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 203-370.
249. Розанов В.В. Семья как религия // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 441-454.

250. Розанов В.В. Библейская поэзия // Розанов В.В. Уединенное. – М.: Политиздат, 1990. – С. 455-463.
251. Розанов В.В. Психология русского раскола // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 47-81.
252. Розанов В.В. Где истинный источник «борьбы века»? // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 153-162.
253. Розанов В.В. О символистах и декадентах // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 163-176.
254. Розанов В.В. Христианство пассивно или активно? // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 186-198.
255. Розанов В.В. Кроткий демонизм // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 199-206.
256. Розанов В.В. Русская церковь // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 327-354.
257. Розанов В.В. Предисловие к книге «В темных религиозных лучах» // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 372-378.
258. Розанов В.В. По тихим обителям // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 382-421.
259. Розанов В.В. Святость и смерть // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 422-426.
260. Розанов В.В. Русские могилы // Соч.: В 2 т. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т. 1. Религия и культура. – С. 460-541.
261. Розанов В.В. Христос – судия мира // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 542-559.
262. Розанов В.В. О сладчайшем Иисусе и горьких плодах жизни // Соч.: В 2 т. – Т. 1. Религия и культура. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 560-571.
263. Розанов В.В. Люди лунного света. Метафизика христианства // Розанов В.В. Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 7-192.
264. Розанов В.В. О себе и жизни своей. – М.: Московский рабочий, 1990. – 876 с.
265. Розанов В.В. Кто задерживает обновление церкви? // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. – С. 287-289.
266. Розанов В.В. Мимолетное // Русская идея / Сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. – М.: Республика, 1992. – С. 258-294.
267. Розанов В.В. Собр. соч. О писательстве и писателях. М.: Республика, 1994. – 734 с.

268. Розанов В.В. Собр. соч. Мимолетное. 1915 год. Черный огонь. 1917 год. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 1994. – 541 с.
269. Розанов В.В. Собр. соч. О понимании. – М.: Танаис, 1995. – 808 с.
270. Розанов о себе. Ответы на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии // В.В. Розанов: pro et contra. – Кн. I. – СПб.: РХГИ, 1995. – С. 37-44.
271. Розанов В.В. Федосеевцы в Риге // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 22-28.
272. Розанов В.В. На черном и желтом материках // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 41-47.
273. Розанов В.В. Закон Божий в училищах // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 71-73.
274. Розанов В.В. Слово Божие в нашем ученьи // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 75-82.
275. Розанов В.В. Миссионерство и миссионеры // Собр. соч. Около церковных стен. М.: Республика, 1995. С. 99-107.
276. Розанов В.В. Талантливость и беспаланность в духовенстве // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 148-153.
277. Розанов В.В. Небесное и земное // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 156-179.
278. Розанов В.В. Исповедание священника // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 396-401.
279. Розанов В.В. Вынос кумиров // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 406-418.
280. Розанов В.В. Таблица вопросов религиозно-философских // Собр. соч. Около церковных стен. – М.: Республика, 1995. – С. 489-495.
281. Розанов В.В. Собр. соч. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов. М.: Республика, 1995. – 426 с.
282. Розанов В.В. Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях. – М.: Республика, 1996. – 672 с.
283. Розанов В.В. Собр. соч. Сахарна. Обонятельное и осознательное отношение евреев к крови. М.: Республика, 1998. – 459 с.
284. Розанов В.В. Собр. соч. Во дворе язычников. – М.: Республика, 1999. – 678 с.
285. Розанов В.В. Собр. соч. Последние листья. 1916 год. 1917 год. Война 1914 года и русское возрождение. – М.: Республика, 2000. – 384 с.

286. Розанов В.В. Собр. соч. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000. – 429 с.
287. Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев. – М.: Республика, 2001. – 477 с.
288. Розанов В.В. Собр. соч. Возрождающийся Египет. Апокалиптическая секта (Хлысты и скопцы). Малые произведения 1909-1914 годов. М.: Республика, 2002. – 526 с.
289. Розанов В.В. Русский Нил // Собр. соч. Около народной души. Статьи 1906-1908 гг. – М.: Республика, 2003. – С. 145-199.
290. Розанов В.В. Собр. соч. Русская государственность и общество. – М.: Республика, 2003. – 527 с.
291. Розанов В.В. Собр. соч. Около народной души. Статьи 1906-1908 гг. – М.: Республика, 2003. – 447 с.
292. Розанов В.В. Письмо в редакцию // Розанов В.В. Собр. соч. Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.). – М.: Республика, 2004. – С. 29-30.
293. Розанов В.В. Полное собрание «опавших листьев». Кн. 2. Смертное. – М.: Русский путь, 2004. – 192 с.
294. Розанов В.В. Собр. соч. Когда начальство ушло. – М.: Республика, 2005. – 671 с.
295. Розанов В.В. Собр. соч. Признаки времени. Статьи и очерки 1912 г. – М.: Республика, Алгоритм, 2006. – 430 с.
296. Розанов В.В. Собр. соч. На фундаменте прошлого. Статьи и очерки 1913-1915 гг. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. – 638 с.
297. Розанов В.В. Собр. соч. В чаду войны. Статьи и очерки 1916-1918 гг. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – 621 с.
298. Розанов В.В. Собр. соч.. Природа и история. Статьи и очерки 1904-1905 гг. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – 766 с.
299. Розанов В.В. Место христианства в истории // Собр. соч. Религия и культура. Статьи и очерки 1902-1903 гг. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2008. – С. 9-27.
300. Розанов В.В. Собр. соч. Юдаизм. Статьи и очерки 1898-1901 гг. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2009. – 845 с.
301. Розанов В.В. Собр. соч. Литературные изгнанники. Книга вторая. – М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. – 957 с.
302. Розановская энциклопедия / Сост. и гл.ред. А.Н. Николюкин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 1216 с.
303. Селивановский А. Попутничество и союзничество. – М.-Л.: ГИХЛ, 1932. – 88 с.
304. Семенова С.Г. «Жизнь, пробивающая себе путь к вечности...» Михаил Пришвин – мыслитель) // Семенова С.Г. Русская по-

- эзия и проза 1920-1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. – М.: ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – С. 428-470.
305. Соловьев В.С. Об упадке средневекового миросозерцания // Соч.: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1990. – С. 339-350.
306. Сталин И.В. Ответ Билья-Белоцерковскому // Соч.: В 13 т. – М.: ГИПЛ, 1949. – Т. 11. – С. 326-329.
307. Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. – 1991. – № 6. – С. 201-239.
308. Соколов-Микитов И.С. Из карачаровских записей // Новый мир. – 1991. – № 12. – С.
309. Соколов-Микитов И.С. Слово о Пришвине // Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. Война. Наш дом. – СПб.: ООО «Изд-во Росток», 2005. – С. 64-66.
310. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. – М.: Изд-во «Правда», 1991. – С. 150-166.
311. Тагер Е. Пришвин М.М. // Литературная энциклопедия. – М.: ОГИЗ РСФСР, 1935. – Т. 9. – С. 262-267.
312. Тахо-Годи А.А. Лосев. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 534 с.
313. Тимофеев Л. Русская советская литература. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз Мин-ва просвещения РСФСР, 1952. – 431 с.
314. Троцкий Л.Д. Внеоктябрьская литература // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. – М: Политиздат, 1991. – С. 30-54.
315. Троцкий Л.Д. А. Блок // Троцкий Л.Д. Литература и революция. Печатается по изд. 1923 г. – М.: Политиздат, 1991. – С. 97-102.
316. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны / Составитель М. Грин, с предисл. Ю. Мальцева. – М.: «Посев», 2005. Т. 1. – 304 с.
317. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны / Составитель М. Грин, с предисл. Ю. Мальцева. – М.: «Посев», 2005. – Т. 2. – 432 с.
318. Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
319. Хайлов А.Н. Михаил Пришвин. Творческий путь. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 162 с.
320. Холодова З.Я. Художественное мышление М.М.Пришвина: Содержание, структура, контекст.– Иваново: Изд-во «Иваново», 2000. – 296 с.
321. Фадеев А. Заметки об отставании // На литературном посту. – 1931. – № 2. – С. 1-3.
322. Философский энциклопедический словарь. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

323. Франк С.Л. Из размышлений о русской революции // Новый мир. – 1990. – № 4. – С. 207-226.
324. Франк С.Л. Крушение кумиров // Франк С.Л. Сочинения. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – С. 113-180.
325. Фрейд З. «Культурная» половая мораль и современная нервозность // Собр. соч.: В 10 т. – Т. 9. Вопросы общества. Происхождение религии. – М.: ООО «Фирма СТД», 2007. – С. 9-32.
326. Фриче В.М. Пролетарская поэзия. – 2-е изд., доп. – М.: Красная Москва, 1919. – 112 с.
327. Царевский А.А. Значение православия в жизни и исторической судьбе России. Печатается по изд. 1896 г. – Л.: Научноиздательский центр «Альфа», 1991. – 76 с.
328. Шиллер Ф. Театр, рассматриваемый как нравственное учреждение // Соч.: В 7 т. – М.: ГИХЛ, 1957. – Т. 6. – С. 5-41.
329. Штейман З. К спору о социальном заказе // Печать и революция. – 1929. – Кн. 1. – С. 41-47.
330. Штирнер М. Единственный и его собственность. – СПб.: Азбука, 2001. – 448 с.
331. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1961. – Т. 20. – С. 1-338.
332. Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1961. – Т. 19. – С. 1-8.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Михаил Пришвин и Иван Бунин: мировоззренческий контекст жизненного и творческого пути (детские и гимназические годы)	11
ГЛАВА II. Георгий Плеханов и Михаил Пришвин: мировоззренческий путь писателя от народничества к марксизму и разочарование в нем	47
ГЛАВА III. Василий Розанов в жизни, мировоззрении и творчестве Михаила Пришвина	83
ГЛАВА IV. Дмитрий Мережковский и Михаил Пришвин: период «богоискательства» писателя и его участие в деятельности РГО	127
ГЛАВА V. Михаил Пришвин и Александр Блок: революция – это чан, разваривающий личность	168
ГЛАВА VI. Михаил Пришвин и Максим Горький: тайна прототипа огородника Крыскина из повести «Мирская чаша»	208
ГЛАВА VII. Михаил Пришвин и Николай Лосский: персонализм как философский стержень мировоззрения и творчества писателя	257
ГЛАВА VIII. Михаил Пришвин и Алексей Лосев: метаморфозы слова и имени в эпоху революционного бытия	286
Заключение	306
Библиография	315